

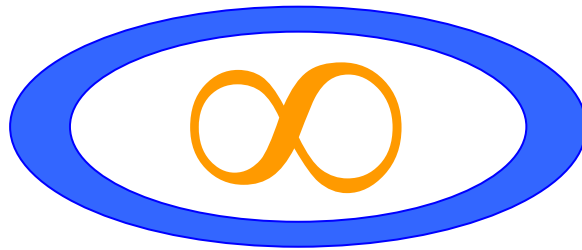
Д.И. Есаулов

Дальние Миры

Научно-философская фантастическая повесть

Книга Первая:

«Силоамский Амулет»

**Москва – Ижевск
2010**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Е 81

Есаулов Д. И.

Е 81 Дальние Миры. Научно-философская фантастическая повесть.
Кн. 1. Силоамский Амулет / Д. И. Есаулов. — М., Ижевск, 2010. — 94 с.

К

ISBN 978-5-9631-0092-9

Повесть «Силоамский Амулет» (из планируемого цикла «Дальние Миры») является философской попыткой осмысления будущего человеческой цивилизации. Сюжет разворачивается в отдалённом будущем. Главный герой повести учёный Гермес рассуждает о долге пути к мечте К. Э. Циолковского, «лучистом человечестве». Современники Гермеса уже сделали первые шаги на этом пути.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся будущим науки, философии и искусства человеческого общества.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-9631-0092-9

© Есаулов Д. И., 2010
© КнигоГрад, 2010

СИЛОАМСКИЙ АМУЛЕТ

(Дальние Миры: книга первая)

Предисловие к первому изданию от автора

С юности запомнились нам всем зовущие в будущее произведения Кира Булычёва и Ивана Ефремова. Они — о человечестве далёкой эпохи. В них нет ничего наносного, вычурного, искусственного, нет большинства пороков нынешней цивилизации. Такое общество труднее всего изобразить. Создаётся впечатление, что люди легко могут представить себе новую технику, искусственный интеллект..., чтобы сразу употребить их на разрушение или потенциальную угрозу жизни человечества.

Современная популярная фантастика часто строится на сплошном потоковом действии, стремящемся захватить эмоции читателя, или заставить его представлять себя суперменом, облачённым в боевой скафандр высшей защиты — такие сюжеты лишь тешат самолюбие и позволяют на миг ощутить себя полновластными хозяевами жизни. Но невозможно подумать, что при всём технологическом рывке внутреннее психологическое содержание общества остаётся прежним.

Это, как минимум, несоответствие или только бесплодная фантазия об эпохах, недалеко отстоящих от нашей. Психические мотивы и идеалы общества воплощаются в жизнь и эволюционируют куда медленнее, чем техника. Развитие даже идёт по спирали, и подчас кажется, несмотря на развитие цивилизации, всё осталось по-прежнему: и войны, и любовь, и ревность, и ненависть, все разновидности страхов и страстей. Именно такими и представляют себе фантасты общество будущего — как ближе и понятнее современникам. Но эволюция не может стоять на месте, она совершает медленный прогресс в геноме человека.

Принцип выживания сильнейшего означает вовсе не грубую силу. Человек это давно доказал — ведь многие звери и стихия сильнее слабого человека. Ум пришёл как сила более мощная, чем механика. Но если ум ещё может изощряться в братоубийственных орудиях и лжи, то один он неизбежно приведёт человечество к пропасти.

Не случайно человека называют Homo Sapiens. Не «умный», «умелый» или «хитрый», а проявляющий Мудрость. Идёт отбор не только умственных сил, но сил душевных. И чем дальше, тем больше история показывает, что самая убийственная техника, порождённая злыми гениями своего дела, не в состоянии бороться с мужественным сердцем, мудростью победителей.

Изошрённый интеллект достигает пика философской мысли в пределе обобщения. Далее одна лишь философия ищет истину, красоту идей. Но философия и ум смыкаются с творчеством, порождая мощную триаду искусства, науки и религии-философии, которые находятся на вершине духовных сил, проявленных человечеством.

Каковы бы ни были достижения науки, техники, орудий разрушения, человек рано или поздно обращается и отстаивает красоту философии, произведений искусства или сражается, в конечном итоге, за идею, за веру.

Можно утверждать, что эти силы находятся на ещё большей вершине, нежели логический мост интеллекта, выводящий человечество из звериного состояния, но не позволяющий идти дальше линейной логики. Интуиция, пути которой неведомы интеллекту, всегда выводила человечество из тупика, давала наилучшие технические, философские, научные и политические решения.

Обрисовать общество, выжившее на основе духовных принципов, сильнейших, чем интеллект — вот сверхзадача, которую ставили перед собой лучшие фантасты. И именно они смотрели наиболее далеко, даже если им не удалось описать очередной технический взлёт, открытие или изобретение. Они не описали в своих произведениях полный набор страстей, присущих читателям нашего времени, и тем не приобрели, возможно, почитателей в широких кругах. Но они смотрели гораздо дальше.

Проблема в том, что в эпоху XX века авторы таких революционных воззрений были ограничены в своих выразительных возможностях и полёте фантазии материальными областями описываемого мира. Тому виной было и господствующее материалистическое мировоззрение правящих кругов и науки. Между тем, постоянно прибывающие открытия свидетельствуют, что будущее человечества — за всё более мощными открытиями невидимых энергий, в том числе присущих человеку.

Значит, не только древние пророчества говорят о наступлении Новой Эпохи — эпохи Тонкого и Огненного миров, миров мысли и сознания, проявленных и видимых, ощущаемых экстрасенсорно и видимых воочию. Стало быть, самая прекрасная литература о будущем нуждается в важных дополнениях.

Русские философы-космисты, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, предсказывали закон перевоплощения человека и человечества, путь преобразующей силы сознания через ноосферу к Лучистому человечеству, гражданам Вселенной.

Пусть не о самых дальних перспективах такой мысли, но о промежуточном шаге к «лучистому человечеству» расскажет этот черновой набросок. Он является только робкой попыткой донести ряд прогрессивных идей, заложенных во многих философских школах, а также содержит ряд рассуждений автора об обществе будущего на фоне канвы сюжета.

Сюжет возникал и продолжался в череде сновидений, а также расширялся при попытке перенести его на бумагу, обрастая полезными идеями.

Часть опыта экстрасенсорного восприятия и способностей людей будущего автору было неоткуда позаимствовать для убедительности описания, кроме как из своего личного, потому просьба не судить строго. Любые возражения и поправки принимаются. В конце концов, нам вместе предстоит когда-то построить это общество.

И, наконец, последнее. Признаться, эта работа была задумана скорее как научно-философская, а не сюжетная, потому любителям острых ощущений может показаться местами затянутой или сложной.

В таком случае нетерпеливый читатель может пропустить эпизод, не прерывая смысла сюжета. Автор надеется, что известная автономность эпизодов позволит в дальнейшем превратить эту серию в цикл произведений и значительно расширить тематику обсуждений.

Возможно, читатель найдёт второе издание существенно переработанным или очищенным от всего наносного, но откладывать первое издание, ожидая улучшений, было бы бесполезно. Потому — поспешим лучше в будущее.

С уважением, автор

2010 год

Дальние Миры — Книга 1: *Силоамский Амулет*

Научно-философская фантастическая повесть.

Часть 1. Силоамский Амулет

По мотивам одноимённого сновидения автора

Гермес

Солнечный свет уже проникал сквозь неплотно закрытые шторы, подул ветер, лёгкая занавесь колыхнулась, а руководитель лаборатории искусственного интеллекта, построенной в горах Тибета, все ещё осознавал себя в другой реальности. Сон нехотя отступил, когда Гермес вспомнил, что должен успеть к продолжению опыта. Но он заметил, как привычная обстановка всё ещё окрашивалась живыми воспоминаниями сна.

Гермес, так звали молодого исследователя при Институте Космических Энергий, подошёл к окну своего уединённого домика. Он уже ощутил лёгкие потоки ауры товарищей по работе. Высокогорная Лаборатория находилась в нескольких километрах дальше по склону. Солнце поднялось уже высоко, и, как будто улыбаясь, ответило Гермесу встречным теплом. На ходу промелькнули воспоминания вчерашнего вечера — Гермесу пришлось задержаться допоздна, опробовав предложенную идею с «Силоамским кристаллом». Опыт был завершён ближе к полуночи, виртуальная Сеть лаборатории стала неспешно анализировать результаты. Оставив записи в журналах, он возвратился домой глубокой ночью, при том ярком свете звёзд, который можно увидеть только в горах.

«Сейчас утренняя пробежка не помешает», — подумал Гермес. Пока друзья будут изучать вчерашние журналы в Сети, у него есть время. Но результаты лучше было обсуждать вместе, потому медлить нельзя.

Задерживаться допоздна было ему не впервой, и это сказывалось на самочувствии..., «однако так, чтобы привычный к дисциплине человек нашей эпохи не проснулся в естественном ритме... — для этого сон должен быть глубоким», — подумал он, — «это сновидение кажется путешествием в иное измерение...».

Память стала разматывать нить незримого клубка впечатлений. Словно по закону спирали образы всплывали — от конца к началу, и всплывали подробности сюжета недавнего сновидения.

Он почувствовал связь сюжета со вчерашним опытом. Может, это подсказка? Девушку из сновидения звали Эка... Точнее вспомнить не удалось. Звучание имени было необычным, но напоминало земные звуки. И... определённо, — там был «Амулет»! Его спутать невозможно. Может быть, в нём скрыт вовсе не искусственный интеллект, как полагали товарищи, а ... нечто большее? Даже иная цивилизация — как бы абсурдно это не звучало. «Цивилизация в камне...» — Гермес задумался.

В памяти всплыли уроки истории, когда он только начинал постигать тот простой факт, что вся наука, в своей сущности, начинается и заканчивается тайной сознания.

Уроки Альмы¹

Его наставница Альма в школе первого цикла преподавала синтез. Каждая крупинка знания о мире казалась ему временной, непостоянной точкой зрения — он подсознательно искал завершённой картины, мудрости, и потому предмет синтеза особенно привлекал его. А преподаватели отвечали ему взаимностью.

Синтез знания был не только начальным предметом, но и основным — в нём закладывалось мировоззрение, потому многое зависело от личности и примера учителя. Конечно, познание продолжается всю жизнь, но чем шире заложен фундамент, тем больше можно было ожидать следствий. Благо, если у человека находились скрытые зёрна такого синтеза, принесённые из прежних воплощений. Человечество стало высоко ценить такой опыт товарищей, встречая их как вестников лучших миров. Но знания души не всегда просыпались в раннем возрасте, а требовали особых условий воспитания. Потому Учителя начальных циклов решали особенно трудную задачу, отвечая за будущее всей планеты. Лучшие люди Земли стремились передать им свой опыт.

Когда мальчик прибежал в утренний лес, Альма уже ждала его. Она приходила рано на восходе, чтобы посидеть в тишине, впитывая целительные лучи Светила. Вокруг неё до сих пор, как будто медленно растворяясь в лучах поднимающегося Солнца, затихала музыка. Улыбаясь, Альма повернулась встретить его. Диадема из кристаллического металла вспыхнула блёстками на русых волосах. Ожерелье поверх греческой туники звучало арфой, иногда резонируя тихими протяжными звуками. Мелодия подбиралась и усиливалась её настроением. Это эфирный² кристалл в основе перестроенной решётки металла отвечал мыслям владельца. Гермес заметил, что в зависимости от хода беседы менялся даже цвет украшения.

— Доброе утро, Альма! — раздалось в тишине леса его радостное приветствие, — а где все ребята? — не успев сообразить, задумался мальчик.

— Ты разве забыл? — улыбка Альмы легко осветила её лицо. В тени кроны молодой сосны стала заметна прозрачная голубоватая аура наставницы. Они ещё вчера уехали на отдых по серпантину³, к Елею. Он пригласил всех на экскурсию — просмотр исторического фильма. Его отец нашёл старую плёнку в городских раскопках, — она помолчала немного, — но ты правильно отказался..., не стоит тратить время на старое, когда лучше задуматься о будущем.

— А, извините,... спешил на занятия и всё забыл. А как же преподавание истории, зачем оно?

— И оно нужно, — волосы Альмы рассыпались по плечам, подхваченные лёгким ветром, — прошлое должно быть полезным для будущего. Без этого изучение истории бессмысленно, — вздохнула девушка, — тогда наука превращается в пустое накопление отживших фактов, которые только усложняют путь, — добавила наставница.

Гермес задумался.

— Да, я согласен, Альма, — завершил он.

— Тогда чего же мы медлим — вперёд, мой друг! — пригласила девушка, и они вдвоём направились по лесной тропинке.

Если не требовались условия школы и не планировалась экскурсия, рассуждения легче проходили на природе.

— Науке нельзя отрывать от природы, от жизни, — поясняла Альма, — здесь вокруг всегда множество примеров эволюции и материи.

Точного расписания они себе не задавали. Ведь занятия были разнообразны и иногда ход беседы нельзя было прервать. Но чаще занятия принимали форму обсуждения. При этом присутствовали и другие преподаватели. Они проводили парное занятие в виде диалога, заинтересовавшего малышей и вовлекавшего их в дискуссию.

Особенно запомнились Гермесу диалоги яркого, с рубиновой аурой преподавателя синтеза, мужественного Кора с тихой Альмой.

---

¹ Эта глава посвящена целиком истории и философии будущего, нетерпеливый читатель может пропустить её.

² Эфир – субатомный уровень организации материи .

³ Спиральная энергетическая транспортная магистраль между поселениями.

Кор как бы развивал каждую высказанную мысль Альмы. Альма же указывала на новые стороны всякого явления. Вспомнил он и седобородого пронизательного старика Согиса, который своим живым взором как будто будил воображение хладнокровного и худощавого Алиона.

Но может ли учёба идти только днём? Когда же проводить астрономические опыты, как не ночью!

Обычно, собираясь с товарищами, они ходили с Альмой по лесу, беседуя. В небольшой группе легче было наладить контакт, да и слушать, не отвлекаясь. Но не всегда уроки были такими.

Альма рассказывала им, когда-то школы представляли собой замкнутые строения, в которых ученики прилежно сидели целыми днями под газоразрядными лампами, и в окна проникал городской смог. Гермес смутно представлял себе эти ощущения — проникаться ими ему не хотелось.

— Верно, — после таких занятий детям требовались каникулы — длительный отдых, за время которого они часто забывали то, что с таким трудом запомнили, — подтвердила его догадки Альма.

Конечно, предмет синтеза как раз и состоял в том, что заучивать требовалось мало. Всякое явление можно было объяснить, не запоминая конечной формулы. Понимая причины происходящего, вывести её труда не составляло.

Познание должно быть целостным. Одностороннее образование означало бы сохранение невежества⁴. Тогда и профессии становились относительными: деятельность можно было сменить, включившись в работу в другой области.

Гермесу оставалось непонятно, чем же занимались его сверстники в те далёкие времена, по несколько месяцев в году во время «каникул». Люди его эпохи умели занимать время с пользой, не уставая от впечатлений. Для этого достаточно было разнообразить занятия до предела фантазии.

Если он мог побеседовать с учителем наедине, то был этому несказанно рад. Каждое соприкосновение с аурой мудрого человека всегда открывает новый смысл существования. Это было как непосредственное обучение личным примером. Аура наставника могла даже исцелять одним своим присутствием. Иногда Гермеса она окутывала, как тёплая волна.

В то утро темой беседы должна была быть как раз история. Но это отнюдь не означало занятие по конкретной теме — предмет синтеза требовал параллелей между разными областями знания.

Они вышли на поляну. Лучи восходящего Солнца скользили по коре деревьев, отчего весенние кроны светились зеленоватыми мягкими лучами, а солнечные блики играли на свежей росе. Гермес сел отдохнуть и сосредоточиться.

— Я знаю, тебя интересует наука и природа сознания, — продолжила девушка. Эта тема древняя. О древнейшей истории её мы уже беседовали. Прошла эпоха, когда природу считали только неодушевлённой материей. Люди искали в Природе себя, потому задавались вопросом: «что есть сознание?» Они пытались создать искусственную логику и решили, что разум есть самоорганизующееся, стихийное начало. Ему присущи логические законы, словно жёсткие рельсы, направляющие поезд от станции к станции. Но и свободный творческий полёт, возносящий над поверхностью логики. Интуиция мыслителя видит всю карту наземных препятствий. Она решает задачи без утомительных переходов «от А до Б», — улыбнулась преподавательница.

— Но энергия должна быть собрана для такого полёта, — продолжила девушка, — точно также, как не внезапно зажигается будущая звезда. Разум, развиваясь по законам самоорганизации, подобен огню, который нуждается в непрерывном топливе.

Любая программа существовала в недрах искусственных ЭВМ⁵, и была лишена взаимосвязи со стихией — как тепличное растение. Даже бактерия развивается в лучших условиях. Нет стихии внутри программы. На этом пути можно было ожидать истинно «искусственный интеллект», ограниченный рамками начальных данных.

На смену ЭВМ пришли самоорганизующиеся нейронные сети. Но и они, запертые подобно птицам в клетке — в электронной начинке компьютерной системы, — не смогли подняться до универсальности разума природы.

Шло изучение свойств материи. Известные науке четыре силы, как оказалось, содержат в себе загадку. При определённых условиях они расщеплялись на компоненты! Любая новая «пятая сила» казалась ничтожно мала, но внутри уже известных «четырёх физических силах» дремали, в свёрнутом виде, взаимно компенсированные мощные стихии. Подобно энергии атома, свёрнутой в ядре.

Казалось, что новые возможности неисчислимы. Но опасностей оказалось ещё больше! Человечеству надо было вмешаться в опыты!

Альма внезапно, с вдохновением взмахнула рукой, в которой оказалась короткая указка, вспыхнувшая металлическим блеском. От неё потянулась едва различимая световая пульсация.

---

⁴ Ср. — «Есть путь познания. Образование не может быть по наукам. Или оно есть, или его нет.» — М. Л. Попович. НЛО над планетой Земля. — СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003.

⁵ ЭВМ (стандартная аббревиатура) — электронно-вычислительная машина (XX век).

Словно сказочное волшебство выхватывало из воздуха удивительные картины: иные прозрачные, намёками отражавшие минувшие события, иные более плотные — за ними мальчик мог едва различать контуры освещённых деревьев. Поляна впереди сияла золотым светом Солнца, мягко гармонируя с фиолетовой аурой вызванных «исторических видений».

– Человечество должно было объединиться! — продолжила Альма, вставая во весь рост.

Эфирный кристалл, заключённый в диадеме, подобно антенне воспринимал и возвращал её психические волны в атмосферу усиленными, их оставалось лишь проявить специальным лучом эфира, будто слайды фонариком. И вот уже чёткие красочные картины появлялись и плыли в воздухе. Короткая палочка в её руках могла показаться случайно подобранным прутиком, что во множестве попадались под ноги. Но теперь «веточка», которой она указывала на окружающие деревья, засветилась оранжевым светом. Атомы воздушной атмосферы послушно выстраивались, меняли организацию, расцветивая видения, как радужная плёнка огромного мыльного пузыря. Наливаясь цветом, картины затмевали реальные образы интенсивностью цветовых контрастов. Синие и лиловые оттенки, танцующие над землёй посреди прозрачного воздуха, переплетались с красноватыми, формировали контуры иных эпох, рисуемых воображением художницы. Ожерелье тихо пело, излучая на звуковой частоте то, что передавала душа Альмы. Музыка эта сейчас выражалась скорее ритмом, чем определённой мелодией. Лишь тонические⁶ резонансы были хрустально-мелодичны. Тихие и глубокие звуки воображение слушателя выстраивало в знакомые ладовые функции. Вот отзвучала тоника вступления, постепенно переливаясь разнообразиями резонансов, вперёд выступили чётные⁷ ступени лада и постепенно сменялись доминантой⁸. Напряжения достигали пика, но разрослись богатством оттенков. Родилась тишина, в которой угадывалась, затихая, незавершённая тоника. Мелодия своей незавершённостью как будто звала в будущее.

Юному исследователю оставалось гадать: почему же видения иногда прозрачны, а иной раз образы становились реальнее и живее красок утра?

Сейчас под рукой Альмы лес стал насыщаться мерцанием, и в колеблющемся воздухе стали появляться эфирные картины «эпохи технологического рывка»... Призрачные города становились всё реальнее — Гермес увидел часто посаженные «высотки». Где-то внизу между ними, как в горных ущельях, ползли мушки автомашин. Они заполняли собой все дороги. Мальчик широко раскрытыми глазами смотрел, как они тщетно пытаются разъехаться, едва не наползая друг на друга. И ни одна из них не могла взлететь. А между ними, в чаду выхлопов, спешили люди — толпы людей. Они, казалось, не замечали дыма.

– Противоречия общественной системы и внутренние психологические проблемы внутри каждого гражданина общества оказались ещё коварнее. Люди не стремились приносить пользу обществу, но искали личную выгоду.

– Почему? — не понял Гермес.

– У них был стимул: работая на денежную систему, можно было жить лучше, чем работая на общество, — печально прокомментировала она, — и люди стали использовать то, что потакало потребностям страстей, личным целям. Создавался порочный круг. Денежная система защищала себя, как раковая опухоль.

Призрачный Город, созданный только что Альмой, приблизился, и даже в лесном воздухе повеяло гарью, воздух перестал быть кристально прозрачным.

– Это запах анина — синтетического заменителя бензина, — комментировала преподавательница. — Его изобрели в XXI веке, когда запасы углеводов были на исходе.

Другой город уже не напоминал дымного ежа, ошестинившегося небоскребами в атмосферу. Унылые серые бараки, четырёхугольные коробки разных пропорций тянулись, куда ни кинь взгляд. Но как трубы доисторического парохода высились то тут, то там дымящие заводские трубы. Посередине располагалось водохранилище, ауру которого мальчик оценил сразу как мутно-зелёную. Редкие деревца ютились вдоль улиц. Тусклые ауры людей сливались в однообразный энергетический гул. Воздух был наполнен несносным напряжением высокочастотных волн разной длины.

– Это радио- и сотовая связь, — тихо пояснила Альма.

– Но вскоре открытые излучения показали внутреннюю мыслительную активность человека и её влияние на окружающее, — с видимым вздохом облегчения Альма сменила картину. Теперь Земной шар предстал перед их взором, подёрнутый рябью.

⁶ Тоника (муз.) — основная ступень лада. В данном случае имеются ввиду обертоны различных тембров, где звучит тоника. Придаёт устойчивость мелодии.

⁷ Имеются ввиду субдоминантовые (IV, VI), промежуточные устойчивые по функции и по звучанию ступени лада.

⁸ Доминанта (V, II ступени) придает неустойчивость, незавершённость, тяготение мелодии к тонике.

– Было открыто явление психических волн! Нервная система, расстраивалась и разрушала иммунитет, открывая доступ пандемиям. Начинается же распространение пандемий с глобальных психических волн настроений, действующих незаметно, но неумолимо.

Источники этих волн могут лежать и в космических явлениях, и в земных. Поначалу эти выводы почерпнули в трудах Александра Леонидовича Чижевского, а затем пришло открытие психических волн.

Фотография излучений сознания помогла справиться с социологическими и политическими вопросами, начала регулировать гражданское право. Ведь фотосъёмка аур стала широко доступна, и подделать такой паспорт стало невозможно. На ответственные должности стали назначаться люди, имеющие адекватное поведение и подходящий спектр. По характеру излучений можно было определять преимущественные наклонности и черты характера. Экстрасенсорное восприятие, благодаря исследованиям, стало объективным. Показания чувствительных людей теперь стало возможно проверить.

– Мир стал правильнее относиться к светотени. И к свету, – веселее улыбнулась девушка.
Она показала посветлевшие области Планеты.

– Светотень? Это градации нашего общества? — переспросил Гермес.

– Верно. Интересы у всех людей разные. Некоторым приходится отдыхать на островах Изоляции, — напомнила она, — чтобы не мешать тем, кто идёт быстрее. Раньше такие люди грубо вмешивались в дела соседей, чьи высокие мотивы они не могли усвоить. Прогресс общества был невозможен. Но зато таким людям интересно быть друг с другом – учатся все. Люди должны помогать друг другу, а не мешать. Это может решить только подбор аур. Нельзя в одном месте бесцельно собирать сразу очень много людей. И преступников, и учёных. Хорошего из этого ничего не выйдет. Но на своем месте полезны все! Нельзя судить однобоко — многие «преступники» являются творцами в других областях и помогают расти товарищам.

Альма взмахнула лучом, и над зелёной поляной поплыли призрачные воздушные корабли древних конструкторов.

– Но мировоззрение общества изменилось — тёмный век игнорирования внутренних сил человека сменялся расцветом синтеза науки и психологии.

Интуиция, выходя из области «подсознания» на свет лабораторий, стала приносить плоды. Общество в течение нескольких веков произвело эволюционный скачок. Ощущать другого человека, понимать его состояние стало нормой общественного поведения.

Призрачные жёсткие города над поляной сменились радужными формами древних лабораторий.

– Физические приборы регистрировали лишь компенсированные силы⁹ — это были известные стихии: гравитация, электромагнетизм, ... а физики удивлялись, что те же самые энергии, соприкасаясь с сознанием, как будто приобретают новое качество! Сначала для них это был просто квантовый «эффект наблюдателя»¹⁰. Наблюдатель влиял на результат опыта.

Но в соприкосновении с сознанием буквально всё — от атома, звуковой волны или света — на самом деле вело себя различно. Все энергии вокруг человека преломлялись, будто действовала мощная призма, расщепляющая энергии на компоненты.

Такие условия возникали в человеческом организме.

Но насколько не похожи друг на друга люди или две опускающиеся на землю снежинки, настолько окраска этой энергии оказалась различной. Казалось, она вовсе не поддаётся научному анализу.

Находились сотни компонентов в её составе. Психическая энергия была для них универсальным растворителем, подобием Огня древних философов! Всякое пламя души имеет свой уникальный цвет.

Внезапно луч Альмы выхватил из пространства современную Школу. Гермес привстал от удивления.

– Извини, процитирую, — пояснила Альма, и мальчик увидел недавнюю беседу двух преподавателей. Широкоплечий седовласый старик появился как живой перед ними, — Гермес обрадовался, — он узнал Сотиса. Старец размеренно объяснял:

---

⁹ В начале XXI века известны только четыре силы – вида взаимодействия: сильное и слабое ядерные, гравитационное и электромагнитное. Два или три из них могут быть математически объединены в общую симметрию.

¹⁰ «Квантовый эффект наблюдателя» — явление, при котором характеристика частицы после акта взаимодействия (измерения) принимает только одно из всех возможных квантовых значений.

– Материальные законы энергии могут быть очень разнообразны. Иначе наука давно сейчас уже отдыхала бы, почивая на лаврах. Впрочем, об этом мечтали всегда, например, на пороге нового витка науки и техники надеялись, что «всё простое уже открыто», остались только «знаки после запятой...» — старик умолк.

– Но сколько предстояло удивлений, да и предстоит ещё, — вмешался баритон Аякса. — «Знаки после запятой» остаются знаками «затишья перед бурей»... А ведь такое настроение не чуждо и некоторым современным учёным», — добавил он. — Видимо, тёмные века ещё недостаточно изжиты в глубине сознания. История человечества очень древняя.

Картинка школьного зала погасла, за ней плескалось море. Гермес ожидал.

– С тех пор, как сознание стало лабораторным фактором, обрело «плоть», философские школы и религии начали перетягивать одеяло на себя... Началась эпоха религиозных смут...

Совсем как это море: внешне спокойное — обращается в грозную стихию, если произойдет глубинный толчок, — комментировала Альма. В её воображении море потемнело и стало медленно подниматься. Повевало чем-то тревожным от этого видения. Сердце сжималось, предвидя напрасные разрушения, вызванные стихиями.

– Психические бури — самые страшные, и религиозные войны — увы, самые жестокие, — напомнила Альма забытую истину. Это задержало нашу науку на тысячу лет... А могли бы полететь к звёздам гораздо раньше, как наши Братья в иных мирах.

Человечество догадывалось о населённости планет, но конечно, с открытием Тонкого Мира¹¹ воображение получило новый горизонт. Стало ясно, что разумные расы населяли Космос не только видимый, но и невидимый.

Лучик Альмы с трудом успевал рисовать картины Дальних миров в прозрачном воздухе — с богатством красок Тонкого мира современная техника не справлялась, их лучше было видеть воочию. Перед юным зрителем открывались некоторые уже знакомые видения, картинные галереи Юпитера, белые обитатели Венеры, замеченные Гермесом в своих путешествиях, и совершенно новые. Он не успевал следить за мыслью руководительницы. Она, словно чувствуя это, остановилась на картинах Земли.

– Они не вмешивались в наши дела, предоставляя земной цивилизации самостоятельно окрепнуть и возмужать, как поступили бы настоящие старшие братья по разуму... Малейшее поступление технической информации могло бы нарушить хрупкое равновесие этого мира. Пробудить уснувшую жажду власти, амбиций и разрушения. Неизвестно, сколько опасностей они успели отвести от нашей детской и самонадеянной цивилизации.

Но дорога в Тонкий Мир была открыта.

Образ какого-то философа мелькнул на экране: «Творческий огонь сознания, принадлежа иным уровням материи, не может раствориться со смертью тела. Мы изучаем пока только ближайший слой психической организации».

Душа Гермеса тоже помнила несколько своих прошлых воплощений.

Такая память произвела в своё время революцию в истории.

С одной стороны, историческая наука стала проще: ведь разные исторические персонажи на деле оказывались одним лицом! Их поступки оказывались теперь объяснимы и более предсказуемы. Сильная личность оставалась незаурядной на протяжении веков, хотя и проявляла неожиданные качества, а предатели продолжали своё чёрное дело не раз. Стало легче отыскать обидчиков в числе будущих жертв через сотню лет — к сожалению, некоторые мстители были коварны. Или отыскать на страницах летописи возлюбленных, которым смерть не помешала обнять друг друга через тысячелетия.

Каталоги историков изменились. В компьютеры заносились отрывочные сведения о сложных миграциях души по эпохам и материкам. Спектр ауры исторических документов, вещи, руины приносили новые сведения о перевоплощениях индивидуальности. Даже камни и земля хранили следы излучений древнейшей истории. Стоило им попасть под лучи определённого дифференциального спектра, и плёнка фиксировала исторические события. История получила мощный толчок. Каталогизация шла быстро. «Но до полноты картины ещё очень далеко, — подумал Гермес, — Законы перевоплощения отследить непросто, но это очень увлекательная и полезная задача».

Альма показала гигантские пространства Тонкого Мира. Арки, уходящие в небо.

– Вглядываясь приборами в Тонкий мир, учёные видели, что он населён куда разнообразнее, чем мир физический. А влияние его на психосферу обитателей Земли огромно. Развоплощённые¹² обитатели Земли превышали земное

¹¹ Тонкий или Астральный Мир — область параллельного мира, в которой существуют души людей, а также другие невидимые глазу существа.

¹² Т.е. вне физического тела.

человечество по количеству в несколько раз. Это означало, что историю упорядочить нелегко. Многие души приходили на Землю, их пути прослеживались, но затем уходили в неизвестность, на их место приходили новые, из бесконечного резервуара душ над нашей Планетой.

«Одного этого обстоятельства, — подумал Гермес, — достаточно, чтобы понять всё соотношение Миров».

На экране перед Альмой пронеслись в цветном вихре сложные узоры. Диаграммы росли, ветвились как дерево, и уже напоминали нервную систему гиганта. Этим гигантом было человечество.

– Генеалогические древа переплелись с «кармическими» и «инкарнационными»¹³. Разветвлённые базы усложнились, следя за мировым законом, но компьютеры тоже развивались. Была доказана поучительная справедливость закона перевоплощения — и мировоззрение человечества изменилось ещё раз.

Альма направила «волшебную палочку» вверх, выхватывая воображением из отдалённых уголков своей памяти трепетания эфира — мерцание его распределилось по-новому, и по небу поплыли хрустальные аппараты изящных форм.

Гермес почувствовал себя спокойнее, словно возвращаясь домой из трудного путешествия.

– Многие феномены были признаны официальной наукой как воздействие универсальной психической энергии. Аппараты могли усиливать её, тем помогая ясновидящим историкам или учёным исследовать тайны природы или даже создавать новые виды техники.

В наше время многие могут видеть ауру, но появились и эфирные микроскопы. Теперь можно создавать новые материалы, сверхпрочные или с переменным составом.

– Самое главное в том, что Планетарный совет объединяет Землю в единый организм. И теперь Земля — как целостный организм, постепенно выздоравливает.

Девушка с любовью посмотрела на Гермеса — он получил слишком много впечатлений, и теперь должен был подумать самостоятельно.

– Я вижу, иллюстрации к новейшей истории мы должны оставить на следующий раз, мой друг! — подытожила она.

Солнце стояло уже высоко, и они не спеша направились по тропинке к лесному домику Альмы, чтобы привести себя в порядок.

***

Уже наступил вечер, и Гермес нехотя оторвался от приборов и воспоминаний.

«Достаточно усилить педагогическую деятельность, философское образование от малых лет, чтобы взрастить поколение людей, более терпимых и широких взглядов на мир, смотрящее на мир непредубеждённо», — подумал он. — В этом нам поможет каждое малое открытие, связывающее миры души и тела. Разума и материи».

Вещество, упорядоченное на уровне эфира, может саморазвиваться, питаясь окружающей эфирной средой, подобно микроскопической разумной клетке.

Недавно на отдалённом астероиде, приближающемся к нашей системе, автоматической экспедицией был найден странный кристалл, внутри которого структура эфира имела порядок. Астероид летел из скопления Плеяд, и вероятно, ему потребовалось не менее сотни тысяч лет на преодоление расстояния до Солнца. На этом пути его перехватили наши разведаппараты.

Многие строения на астероиде, несмотря на значительные повреждения, имели явно рукотворный вид, и были созданы цивилизацией, напоминающей земную.

Коллеги ухватились за мысль, что эфирное упорядочение есть разум. Но сегодня во сне, он контактировал с обитателями иной цивилизации. Было ли это ясновидением прошлого, или настоящим, живым контактом — оставалось только догадываться...

Кристалл

Кристалл, найденный на астероиде Силоам, был большим овальным красноватым камнем, плоским с многочисленными сверкающими гранями, он не содержал никаких надписей, но на лицевой стороне его соединялись в восьмёрку две выпуклые желтоватые кристаллические сферы, образуя знак бесконечности. Дымчатые в глубине, оранжево-жёлтые кристаллы манили неизвестностью. Кристалл был, очевидно, артефактом, выполненным искусными ювелирами. Местами он потёрся и имел микроскопические сколы, царапины от ужасного давления в результате падения каменных глыб, под которыми он и был найден роботами — разведчиками, снабжёнными эфирными датчиками. Кристалл был найден по его эфирному излучению и состав его не определялся с точностью. Как известно, это первый признак глубокой эфирной организации вещества. Такое

¹³

«Инкарнационные» — связанные с перевоплощениями души.

вещество, будто живое, способно перестраивать свою внешнюю атомарную структуру, сопротивляясь воздействию среды. С одной стороны, простой закон сохранения энергии, принцип Ле Шателье-Брауна¹⁴, но причины и реакции прошли в нём эволюцию в сторону биологического, психологического инстинкта самосохранения¹⁵.

Родство многих законов ранее было под сомнением — теперь же они заботливо обобщались. Восточное понятие «кармы» рассматривало все действия и противодействия как единую систему движения Вселенной. Закон сохранения обеспечивает равенство причины и следствия, хотя Космос, как открытая система, всегда порождает новые причины.

«Силоамский кристалл» не проявлял внешней активности, но эфирный порядок внутри него позволял надеяться на наличие самоорганизации внутри. И археологи передали артефакт на исследование в Тибетскую лабораторию Гермесу, молодому ведущему специалисту по искусственному интеллекту.

В свои тридцать лет он был хорошо сложен, всесторонне развит, имел прекрасную интуицию и тонкий склад ума. Психические способности его постепенно раскрывались к возрасту, обычному для древних Посвящённых. В этот момент по законам биологического развития многие психические центры начинают преобразующую организм работу.

Перед новыми возможностями тонких чувств раскрывался весь мир — мысленный полёт по небу для Гермеса не был только воображаемым чувством. Переместить своё тело по небу усилием чистой мысли для него ещё не было возможным, но его тонкое тело могло видеть и слышать на расстоянии, ощутить полёт вместе с далёкой птицей или движение подземной магмы, могло увидеть древние камни лежащими на дне океанских вод. Прошлое и будущее раскрывались перед напряжённым взором исследователя.

Но где чувств было недостаточно, обычная спиральная математика потоков времени и пространства давала уточнённый расчёт. Ошибки могли быть. В глубине же каждого существа лежит тайна, которую бережно хранили товарищи между собой. Каждый человек — есть тайна многих веков эволюции, и недооценивать её означало бы грубое невежество. Благо, после многих поколений опытов и исследования исторических перевоплощений люди поняли, что смеяться друг над другом не стоит, даже если кто-то ошибался.

Когда ему показалось, что кристалл, и правда, живой, он поделился соображением с товарищами по лаборатории. Они вместе произвели ментальный анализ. Кристалл имел глубокую ауру, а эфирный микроскоп выявил присутствие внутренних нитей.

— Гермес, что по-твоему, обозначают эти нити? — коллеги обсуждали вопрос третий день. Младший научный сотрудник Ирмис смотрел задумчиво, удерживая в руках длинную, похожую на цилиндрическую толстую авторучку часть эфирного зонда.

— А не попробовать ли нам переключить какую-то из них на соседнюю, подобно соединению в нейронных связях? — раздумывал Гермес.

— Отличная мысль, — в конце концов, операция обратима! — согласилась астробиолог Веда.

— Обратима? — Гермес задумался, — не всё в этом мире обратимо, как кажется. Что же, давайте попробуем.

— Хорошо, мы займемся программированием зонда. Ведь в случае неудачи нам следует иметь возможность отмены произведённых изменений в обратном порядке...

***

К вечеру все было готово для опыта, но они припозднились. Гермес, как руководитель, взял ответственность на себя и решил сам провести первый пробный опыт, затронув одну часть связи кристалла.

— Представьте себе, а вдруг живое, мыслящее существо где-то внутри ощущает вторжение? — Настя была сведуща во многих областях и имела хороший дар предвидения, с которым нельзя было не считаться.

— В данном случае воздействие будет минимально и обратимо, — подумав, заметил Ирмис, — правда, Гермес?

— Строго говоря, ничего обратимого нет, но данное существо — если это существо — не может обладать свободной волей, и для него воздействие — только один из факторов окружающей среды.

— К сожалению, мы не можем спросить у него... — вздохнула Веда.

— А почему бы не промоделировать на станции наших нейронных сетей динамику процесса?

— Давайте отразим в режиме реального времени? — согласился нейролог¹⁶ Борис.

Через некоторое время на виртуальной карте кристалла появились области сгущений и разряжений, розовые, светлые и тёмные области концентрации энергий. Карта медленно пульсировала в пространстве над экраном.

— Да, пожалуй, так нельзя увидеть самих жителей кристалла... — пожалела Настя.

---

¹⁴ Принцип Ле Шателье-Брауна: если на систему, находящуюся в равновесии, воздействовать извне, изменяя какое-нибудь из условий, то равновесие смещается таким образом, чтобы компенсировать изменение.

¹⁵ Проводится философская параллель между принципом сохранения в неживых системах и инстинктом самосохранения в живых.

¹⁶ Нейролог — специалист по нейронным сетям и искусственному интеллекту.

- Ты права, этого бы хотелось, — улыбнулся Гермес. — Что же, вам пора отдыхать, а я попробую завершить начатое.
- Всего доброго!
- Удачи!

Сон Гермеса

Ему снился кристалл, объятый тёплым оранжевым светом, и после — таких же красок пейзаж.

Дымка скоро растаяла, он шёл по залитым солнечным светом улочкам восточного городка. Глинобитные дома странно перемежались с современной архитектурой. Редкие в полдень жители таяли то тут, то там в тени построек, пахло нагретой глиной, травой, приносимой из пустыни, стояло марево. Куда он направлялся и что делал в этом необычном городе, Гермес не знал. Похоже, он интуитивно искал кого-то. Свернув с узкой улочки в арку между домами, он нашёл уютный и довольно большой двор, в тени стояло несколько скамеек, на которых никого не было. У стены стояли грубо сработанные контейнеры. В дальнем освещённом конце двора поднималась лесенка и из-под крытого подъезда в двухэтажном доме, похожем на офисный, были слышны разговоры. Он поднялся по ступенькам, но не вошёл в открытую дверь, а остановился, прислушиваясь. К небольшому окошечку осталась очередь из двух человек. Молодая женщина о чём-то просила, но ей отказывали. Сознание перестроилось на местный диалект. Он услышал обрывки разговора.

– Моя мать — уже старая женщина, — почему Вы заставляете нас возвращаться в который раз за новыми справками...?

– Подруга, не стоит расстраиваться, — взяла её за руку вторая девушка, — пойдём лучше соберёмся и придём завтра. За окошком промолчали.

– Хорошо, Алия, наверное, ты права, — добавила просившая.

– Пойдём, Эка. — Они стали собирать какие-то бумаги.

Гермес спустился во двор и решил понаблюдать. Ситуация его чем-то заинтересовала.

– погоди, я хотела переписать образец этого несчастного заявления, знаю, ты спешишь — иди домой к маме, мне тоже ещё надо завершить несколько дел и зайти на работу, в магазин.

– Извини, Эка, я правда уже опаздываю, — и та, которую звали Алия, быстро спустившись, вышла через двор в арку.

Через несколько минут Гермес хотел удалиться вслед за первой девушкой, но уже вышла, не замечая его Эка, погружённая в свои мысли. Пока она медленно пересекала дворик, солнечный луч восходящего светила выхватил в глубине арки неожиданный яркий блик.

Эка остановилась и склонилась над чем-то у стены. Гермес заметил оранжевый отблеск и подошёл ближе. Девушка придержав платье, наклонилась, и, смахнув пыль, осторожно подняла с земли огромный красный кристалл. Он имел две хрустально-жёлтые соединённые сферы, образующие «символ бесконечности». Эка заглянула в него, залобовавшись, улыбнулась, и лицо её озарилось оранжевым отблеском. Она, вероятно, не знала, что делать, и растерянно посмотрела по сторонам, в поисках потенциального владельца артефакта. Тут она заметила Гермеса.

Он стоял, и просто рассматривая странную девушку с камнем, чем-то знакомые. Девушку он мог встречать во время своих многочисленных путешествий по тонким мирам, но кристалл. ...Луч камня блеснул... Гермес озабоченно воскликнул: «Да это же Силоамский Амулет!», как вдруг почувствовал, что внимание переключается куда-то, и ощутил своё физическое тело, просыпаясь — картинка поблекла, и вот уже свет пробивался сквозь закрытые веки. Перед глазами осталась картинка удивлённой и в то же время обрадованной девушки восточной внешности с тёмными глазами. В памяти отложились черты: длинные прямые волосы слегка выбивались, свободно выпадая, из причёски, светлые одежды с восточными орнаментами и — «Силоамский амулет» в тонких руках. Девушка наверняка будет искренно расстроена, что не смогла вернуть непонятный артефакт владельцу. Хозяином амулета Гермес, конечно, не был, но что за странный сон?...

***

Эка ещё немного постояла, удивлённая, что незнакомец, только что такой реальный и даже чем-то знакомый, вдруг растаял в жарком воздухе Адира. А может быть, он был хозяином амулета? Высокий, с чёрными усами и бородой он выглядел как настоящий маг из сказок. Его видение было чётко, а аура столь сильна, что какое-то время Эка ощущала глубинные вибрации, как будто соединяющие разные слои мироздания. Такую сильную ауру она чувствовала впервые.

Она имела способности тонкого восприятия, унаследованные от бабушки. «Раньше они жили с ней в уединённом пустынном месте», — припомнила Эка, почему-то с трудом. Теперь, после смерти бабушки, там жил приезжий провидец Аквилон, который знал очень многое. И с ним, говорят, советовались даже правители Адира.

Последние слова незнакомца были, кажется, про некий амулет. «Надо будет посоветоваться с подружкой, маму в её возрасте не хочется волновать... или съездить навестить Аквилона».

«Но кристалл наверняка очень ценный и теперь необходимо вернуть его владельцу», — решила девушка. Она аккуратно завернула тёплый камень в платок и положила в сумочку. Пыльный зелёный переулок по дороге на работу встретил её весёлым утренним светом.

Иной мир

Пробежавшись по утреннему воздуху на работу, он снова припомнил яркий ночной сон. Гермес спал мало, хотя ощущал прилив энергии, как будто ему предстояло важное дело. Он бодро приветствовал товарищей, извиняясь за опоздание.

— Что-то случилось, Гермес? Мы видели вас во время нашей утренней коллективной медитации. Настя рассмотрела, как вы в тонком теле в задумчивости возвращались в свой домик.

— Вы сегодня не в форме?

— Самочувствие сносное. Опыт, как вы, наверное, заметили, завершил ещё вчера. Был странный сон утром... Задержался. И как наши результаты?

— Опыт прошёл удачно. Заканчиваем анализ, — отозвался Борис, — датаграмму сейчас выведем на экран.

Веда предложила сканировать ауру начальника на предмет самочувствия. Это можно было сделать и без приборов, чем некоторые тотчас занялись.

— Нет, ничего, никакого негатива не ощущается, только необычность вибраций какой-то отдалённой и незнакомой местности, — подытожила она.

На ауре Гермес почувствовал лёгкое колебание. Он с улыбкой осмотрелся — кто-то послал сильный эмоциональный заряд... Проследив взглядом источник эфирных колебаний, остановился:

— Дорогая Настя, спасибо за сочувствие!

Настя скромно потупила взор:

— Да, наверное, это я зря так взволновалась, — улыбнулась она в ответ.

— Сканировать эмоциональный фон лучше в полном спокойствии!

— Да, — вздохнула Настя, — эмоции трудно остановить...

— И не нужно — они являются той силой, которую надо только с пользой направить. Будь мы умнее несколько веков назад, может быть, наши чувства развились бы до следующего своего состояния.

— Точно, это древний алхимический принцип, сродни нашему эфирному преобразованию атома — внешне всё остаётся без изменений, но физический спектроскоп не может определить его постоянный спектр. Как и в «Силоамском Амулете»...

— Интересно! Сны — половина мироздания! Вы ведь говорили, что куда-то путешествовали сегодня? — за соседним столом, не отрываясь от работы, заметила Настя.

— Гм, да, от вас ничего не скроешь... расскажу чуть позже — не терпится узнать результаты опыта.

— Конечно, вот и датаграмма. — Борис отодвинулся от пульта.

Лаборатория собралась у экрана, занимавшего всю северную часть комнаты, чтобы внимательно рассмотреть происходящее. А посмотреть было на что. Розовые области над голографическим экраном сгустились и, будто облака, сформировали различимую восьмёрку. Трёхмерное изображение медленно вращалось.

— Мне кажется, я вижу лицо.

— Даже два! Черты не различить...

— Впрочем, это может быть игрой воображения. — Борис был рационален, но улыбался.

— Вчера структура связей явно была проще!

— Странно, кристалл отреагировал активнее, чем мы полагали...

— Давайте не будем спешить, разве только заденем ещё одну нить? — предложил Борис.

— Не нравится мне это, — почему-то сказал Гермес. Но возразить участникам опыта было нечем.

— В конце концов, результат опыта обратим...

— Хорошо, подождём до завтра, посмотрим, как будет стабилизироваться структура и нельзя ли найти влияющие зависимости с помощью стационарной сети¹⁷, — нехотя резюмировал начальник лаборатории.

***

Гермес вернулся не так поздно, как вчера, успев сделать очередные резервные копии структуры кристалла для зондов, когда солнце только зашло за далёкие горные пики.

Ночь была тиха, Млечный Путь светил в окно, которое Гермес не стал закрывать, чтобы не проспать завтра поутру.

---

¹⁷ Нейронная сеть искусственного интеллекта, созданная в эфирной структуре.

Перед сном он отчего-то представил Кристалл... Амулет светился тёплым светом, мысленно он поднёс его ближе, чтобы рассмотреть — глубина янтарного цвета Двух Сфер мерцала. Засыпая, Гермес увидел, что за ней расположен туманный свод. Приблизившись, он перешагнул порог, свет медленно растаял, и исследователь оказался внутри знакомого двора, едва выйдя из арки на свет. Стояло раннее утро, воздух ещё не успел нагреться, и, более того, чуть раньше прошёл редкий для этой местности дождь. Капли его прибывали пыль. Пахло мокрым песком.

«Так!» Он вспомнил эту местность очень хорошо. И понял, что снова переместился сюда бессознательно. Это становилось интересным. Похоже, что не сон, а вполне реальный мир окружал его. Причём же здесь Амулет...? Не может же всё это диво располагаться внутри кристалла? Скорее всего... кристалл — просто терафим¹⁸, резонатор, устанавливающий связь ... с кем? «Секундочку, поскольку жители этого мира видят его астральное тело¹⁹, то вывод один — это и есть слой астрального мира²⁰».

Где он, этот мир? Терафим имел неземное происхождение. Неужели это — мир астральных обитателей иной планеты? Кто знает, сколько времени у меня, прежде чем начнётся очередной опыт с терафимом там, на Земле? Может, вернуться на Землю и прекратить опыт? Но если терафим будет восстановлен, связь прервётся, и мы, возможно, никогда не узнаем об обитателях отдалённой планеты или его астральных слоёв. Этот шанс упускать нельзя.

Нет никакой гарантии, что операция обратима. Восстановить связь и вернуть состояние кристалла уже скорее всего невозможно. Всё имеет память, тем более, эфирный кристалл. Что будет с ним самим, если коллеги начнут опыт, пока он будет «внутри кристалла»? Вопросов много, но может быть, опыт уже начат. Надо спешить.

Нужно предупредить девушку и обитателей этого мира о наличии двусторонней связи, о возможной опасности, возникшей в результате воздействия на терафим.

Теперь уже понятно, что, а точнее, кого искать. Путешественник прошёл во двор, но все двери были закрыты. Он немного постоял и вскоре к офисному зданию подошла пожилая дама, отпирая дверь над ступенчатым крыльцом. Мозг интерпретировал вывеску на чужом языке, выполненную вязью: «Жилищное управление». Гермес удивился странной надписи. Дама прошла внутрь, и послышался звук отпираемой ржавой двери где-то внутри помещения. Открылось окошко. Гермес осторожно вошёл внутрь, впитывая ауру помещения. Он собрался, напряг до предела ощущения и уравнивал светимость своей ауры с окружающей средой. Нужно было подстроиться под ровный эмоциональный фон помещения. Вникнув в непривычную ауру старушки за стеклянным окошком, он осторожно шагнул вперёд:

— Здравствуйте! Извините, можно спросить?

Старушка оторвалась от кипы бумаг, которую намеревалась перебрать и, не особо удивившись раннему посетителю, ответила:

— Подождите минутку — я ведь только подошла, — Вам справку?

«Это хорошо», — с облегчением подумал Гермес: во-первых, мысль отразилась на местном диалекте правильно, во-вторых, его непривычная аура не столь заметна обитателям этого мира, либо хорошо нейтрализована. И, наконец, он близок к цели!

— Простите, что отвлекаю, просто я ищу девушку, Эку, она приходила вчера с подругой — Он не был уверен насчёт «вчера», ведь время весьма относительно в разных областях астрального мира.

— А Вы кто ей — родственник или знакомый?»

— Нет, мне надо только передать важное сообщение, не подскажите ли, по какому адресу её можно найти?

Старушка вздохнула и подумала, что молодой человек на вид добродушен, а если пожелал, то смог бы проследить за девушкой ещё вчера. Но всё-таки по привычке ответила:

— Таких справок не даём! Вы сами понимаете, что это личная информация!

— Ну, хорошо, извините... — не стал настаивать Гермес. Видимо, люди в этом мире опасались многого.

— Возможно, она подойдёт сегодня за справкой, — сказала пожилая дама вдогонку. — Тогда и спросите!

Она подумала, что скромному молодому человеку Эка просто понравилась, и он решил разузнать её адрес с помощью «справочного бюро». Но уж больно молодой человек странный.

У Гермеса действительно существовал ряд способов, с помощью которых он мог бы разыскать девушку и без помощи агентства. В конце концов, он мог бы пойти по хорошо развитой интуиции и достичь её дома. Тем более, что дом должен быть где-то совсем рядом. Второе — Амулет породил свою копию в этом мире и создал обратную связь между мирами, как компенсацию на вторжение. Значит, Амулет имел зачатки разума, коллеги были правы. А у девушки в руках оказалось устройство обратной связи. И если она имеет желание вернуть амулет, то она сама уже ищет Гермеса.

¹⁸ Терафим — астральный резонатор с обратной связью, настроенный на определенный объект.

¹⁹ Астральное или тонкое тело человека — часть души, невидимое тело, в котором человек проявляется после смерти, а также в течение жизни (во сне, в особых состояниях и т.п.).

²⁰ Астральный или Тонкий мир — незримый мир, в котором живёт тонкое тело человека и других существ.

У выхода из дворика Гермес задержался. Он решил настроиться на объект своего поиска и заодно лучше понять окружающее. Он освободил ауру, мысленно стал объединять своё сознание с окружающим миром. Поза его была почти обычна для задумчивого человека, и старушка, наблюдавшая из окна, сокрушённо вздохнула, вернувшись к бумагам.

Настроившись на девушку, Гермес мысленно потянулся в будущее — девушка собиралась подойти сюда только через час... Он был практически уверен. Чувство времени его редко подводило. На всякий случай, переключив мысли, он повторил исследование. Результат лишь укрепил его выводы. «Что же, у меня есть время на поиски», — подумал он, направляясь налево по переулку.

Машин не было видно, впрочем, как и других средств передвижения. Чем больше Гермес проникал в атмосферу этого мира, тем больше ему казалось всё вокруг странным. Дело не в том, что городок был малонаселён, и темп его жизни тёк очень замедленно. Вся обстановка напоминала ему искусственные декорации. Солнце вставало, воздух прогрелся, а пыльные улицы только начали заполняться прохожими. Скоро на горизонте снова показались облака.

Гермес надеялся, что его универсальная греческая по стилю одежда вполне подходит к просторным и лёгким одеяниям, принятым в этой стране. Случайные прохожие лениво брели по своим делам.

Проходя дворами он заметил, что гул голосов усиливается по направлению к одиноко стоящему строению, возвышающемуся над глинобитными и кирпичными двухэтажками. Подойдя поближе и погасив, насколько сумел, свои излучения, чтобы не шокировать невозможными вибрациями жителей этого мира, он оценил это строение как «супермаркет». По-видимому, удача улыбалась ему — это был единственный крупный магазин поблизости, и девушка вполне могла работать именно здесь — он припомнил брошенную ей фразу в случайно услышанном разговоре с подругой.

Прибавив темп, он взбежал по ступенькам. Ощущения его не подводили — Эка была где-то близко. Интуиция вела наверх. Он заметил лестницу, покрытую кафелем, и поднялся на второй этаж. Пройдя вдоль по коридору, в дальнем конце путешественник заметил силуэты — как оказалось, это были просто раздетые манекены. За стеклянными дверями он увидел сразу двоих — девушку и её подругу.

В столь ранний час покупателей не было, едва ли на всём этаже набралось бы пара клиентов. Потому он надеялся, их разговор не будет привлекать внимание. Он вошёл в зал. Девушка подняла голову. Глаза её округлились.

— Алия! Это он! — воскликнула она негромко. Алия повернулась и немного испуганно, и в то же время с интересом, всматривалась в вошедшего.

— Простите... — произнес Гермес, внутренне собравшись.

— Здравствуйте! Вы, наверное, пришли за талисманом?! — немного робея, спросила девушка. — Ведь это Вас я видела у арки?

— Здравствуйте! Мир вам, сёстры! Меня зовут Гермес. Нам надо сначала поговорить... Всё не так просто, и я даже не знаю, с чего начать...

Девушки ничего не понимая, пригласили сесть. На их лицах читалась доля испуга.

— Для начала мне надо выяснить, как называется страна, где мы находимся? — Гермес осознавал, что вопрос прозвучит странно, но у него не было времени начинать издали. Вопросы надо было бы заранее обдумать.

Девушки переглянулись, и немного успокоились — «маг» был похож на потерявшегося путешественника.

— Это Адир, страна Роз, — ответила Алия.

— У нас не так много времени, но думаю, пара часов у нас есть. Вам можно доверить одну тайну?

Гермес спросил скорее риторически. Он заметил, что в душе обе они достаточно ответственны. Ощущение ауры в людях его не подводило. Единственное, что могло вмешаться в ход событий — это непонимание и предубеждение, которые можно ожидать при встрече с чем-то незнакомым.

Алия серьёзно кивнула.

— Конечно, мы постараемся понять и попробуем вам помочь... я слушаю вас, — ответила за двоих Эка. Она пребывала в задумчивости, как будто что-то вспоминая.

По мере расспросов, Гермес приходил к мысли, что эта «страна» — только замкнутая часть астрального мира, которую коллективно воссоздали в своих мыслях жители. Историю этой страны обе девушки могли разъяснить смутно, и даже за город они выезжали нечасто..., не говоря о более дальних путешествиях. Поскольку окрестности никого не интересовали, мир замкнулся, и поступлений извне новых эволюционных энергий не возникало. Ситуация назревала критическая, несмотря на мирную атмосферу городка. Так долго не могло продолжаться.

— Скажите, а не замечали ли Вы в последнее время чего-нибудь странного в городе? — спросил он.

— В городе... — Алия задумалась.

— Начиная с появления талисмана..., последнее время все идёт не так, — обнаружила она после некоторого раздумья.

— Вот посмотрите! И она указала на потемневшее небо за окном.

— Дождь! Снова! — воскликнула Эка.

— Да, я бы сказал, приближается ураган, — заметил Гермес.

— И это в нашей местности, — она прислушалась к звукам ветра за окном, и через паузу продолжила, — где и обычные дожди редкость!

— Но это началось раньше, до появления «кристалла», — добавила Эка, — а сейчас у всех в городе как будто сплошные неприятности! Вот мне даже простую справку — и ту не дают! Она задумчиво помолчала, как бы вспоминая что-то.

— Но как вы догадались, откуда вы знаете о нас? Вы ведь, верно, издалека? Жаль мало времени расспросить вас... Может быть, виноват «амулет»?!

Путешественник, всё это время анализировавший ауру людей, пришёл к выводу, что на самом деле, основной поток эволюции этого мира лежит в ином месте и времени, и лишь какая-то катастрофа могла заставить такое огромное пространство свернуться в изолированный мир, осколок. Инстинкт самосохранения, свойственный всей материи, заставил этот мир уйти в себя, и люди, по своему случайному выбору ушли в воспоминания, перемешанные с воображаемой реальностью. Ушли в далёкое прошлое своей цивилизации. Часть их воспоминаний дремлет сейчас, пытаясь проснуться. И нет выбора будить ли эту память... Ведь мир уже начал наполняться новыми вибрациями, приводящими его в нестабильное состояние. Вначале потому, что терафим, найденный на астероиде, соприкоснулся с энергией человека. Затем из-за прямого вмешательства в его структуру. А теперь... скорлупа начала разрушаться изнутри, благодаря поднявшимся из глубины души способностям и новым чувствам девушки, нашей талисман.

Он уже начинал догадываться, что с её стороны душа испытала огромную ответственность за пробуждение этого мира ото сна, с тех пор, когда она решила, и взяла этот кристалл с собой. Здесь, в этом воображаемом мире, кристалл был символом выбора пути... «Но путь не случаен», — подумал Гермес, — «подобное притягивает подобное». Она смогла взять на себя этот труд — восстановить связь с внешним миром, необъятной Вселенной. Сознательно или интуитивно.

— Многие люди у нас на Земле погружаются после смерти в иллюзорные сны Дева-Чана²¹. В мире мысли, что желаем, то и получаем... — произнёс он вслух невольно.

Во взгляде девушки он нашёл понимание.

«Мне кажется, — подумал Гермес, — им можно будет рассказать много больше, хотя сейчас на это нет времени».

Если здесь произошла какая-то катастрофа, то мир находится в консервации, и пробуждение знания чревато разрушением оболочки мира и людей, непредсказуемыми последствиями. В этом мире, вероятно, сами жители состояли из эфирной материи, но всё-таки после смерти попадали в другой уровень организации Бытия.

— Вы знаете, что происходит с людьми после смерти? — спросил он.

— Мы слышали разъяснения от нашего учителя, Аквилона.

— Вероятно, этот человек много знает о вашем мире! Может быть, вы отведёте меня к нему?

На улице послышался близкий раскат грома. Ветер ворвался в окно, негромко зашумел дождь.

— Конечно, он только недавно приглашал нас, но он живёт за городом, это не так далеко, к вечеру будем. Пойдёмте, надо забрать амулет, он у меня дома. И... я же совсем забыла взять справку для моей мамы... Ой, что это?

Она заметила колебание воздуха. Алия тоже поднялась с дивана, удивлённо всматриваясь во вращающийся столб как будто горячего воздуха, постепенно таявший посреди помещения. Но рядом просыпались меньшие по силе вихри.

— Да, мир меняется! Мне некогда объяснять, но, похоже, у нас мало времени.

Гермес ощутил колебание около седьмого психического центра²². Похоже, внешнее воздействие на терафим сказывалось на всех соединённых с этим миром существах, и даже на нём.

— Вы сможете вспомнить и понять всё самостоятельно, но боюсь, мы не успеем посетить вашу маму.

— Но я должна!

— Думаю, что с ней будет всё в порядке. Хорошо, пойдёмте! То, что вы только что увидели — результат активности... иного измерения, откуда я прибыл. Наши миры взаимодействуют, но, похоже, вы совсем забыли, что вашу планету постигла какая-то катастрофа. И сейчас, скорее всего, мир вокруг нас — только иллюзии, ваши воспоминания, далёкое прошлое вашей планеты. Похоже, что справку вам не придётся забирать.

— Но моя мама? Мы возьмём её?

— Человек неуничтожим. Ни в этом мире, ни в ином. После открытия дверей этого мира, вы найдёте всех людей в новом качестве. Пошли!

---

²¹ Deva-Chan (индусск.) — состояние после смерти, где душа пожинает положительные следствия своих земных дел.

²² Седьмой, верхний чакрам человека, расположен над теменем.

На улице было видно только марево. Ветер развеивал полы его одежды. Но дождь был несильный. Пробегая мимо арки, Гермес заглянул внутрь — контора, выдающая справки оказалась практически полупрозрачной. Похоже, Арка являлась фокусом преобразований этого мира.

Людей на улице уже не было видно. Девушки задержались у соседнего дома, наверное, своего. В окне второго этажа горел свет. Эка упрямо сжала губы и бросилась в подъезд. Гермес не стал её останавливать. Он взглянул на тёмное небо. Поднимался ветер. Через некоторое время девушка выбежала, на ходу удерживая какую-то бумагу. В другой руке она сжимала сумочку.

— Это записка — показала Эка: — мать ушла за город, к Аквилону.

Они поспешили вдоль улицы. Ближе к окраине города ветер стих, и небо прояснилось. За городом стояла жаркая погода, следов дождя видно не было. Оглянувшись назад, можно было увидеть неопределённое облако над центром города. Вокруг него воздух был в движении и тёк. Хотя на расстоянии это было не так заметно.

— Нам туда! — указала Алия на тропинку вдоль деревьев.

Через некоторое время они успокоились и пошли медленнее. Каждый думал о своём.

Мимо проплывали облака, впереди появились невысокие горы, и блеснуло озеро. День клонился к вечеру, когда они вышли к шатру на поляне, вдалеке был виден бревенчатый домик с антенной на крыше. Гермес удивился: «Видимо, здесь контакт с остальной частью Вселенной шире». Войдя в шатёр, они увидели невозмутимо сидящего старика, дремавшего в свете зажжённых свечей. Он открыл глаза, и они блеснули.

Аквилон (а, конечно же, это был он) сразу поднялся им навстречу.

— Здравствуйте, учитель! — поздоровались девушки.

— Добро пожаловать, — бодро отвечал старик, — я ждал вас.

Мужчина обернулся к Гермесу:

— Приветствую тебя, пришелец из иного мира! — Он подошёл и легко обнял его за плечи, продолжив:

— Здравствуй, брат!

Гермес улыбнулся: «Это приветствие свойственно всем развитым цивилизациям!»

— Откуда вы меня знаете?

Старик откинул занавесь со спинки кресла — та представляла собой громадный кристалл. Сомнений быть не могло:

— Силоамский Амулет, — констатировал Гермес с улыбкой.

— Кристалл! — воскликнули одновременно Эка и Алия. Эка потянулась за сумкой и из неё выпал точно такой же кристалл, только миниатюрный по сравнению с тем, что был врезан в кресло.

— Когда-то этот мир постигла катастрофа, — начал Аквилон. Люди сами вызвали её своим неразумным вмешательством в природу. Войны вызвали раздробление основного тела планеты. Наш мир ушёл в иное измерение и законсервировался в малых островках сознания. Часть планеты разлетелась по ближней Вселенной в виде астероидов. Изготовленные нашими мастерами терафимы, устройства двусторонней коммуникации, находили не раз, но никто извне не мог воспользоваться ими. Не так давно мы ощутили родственную вибрацию, готовую принять нас и несколько незаселённых миров. Теперь жизнь пробуждается. Это могла сделать только далеко ушедшая вперёд цивилизация. Облик наш, с точки зрения входящего в наш мир существа, отчасти определён Вашей историей, — он поклонился Гермесу, предупреждая его вопрос. — Но вы родственны нам по духу, хотя вам удалось сохранить вашу планету неповреждённой, и, видимо, достичь того, что нам ещё не удалось — благодарю вас за участие от имени правительства «планеты Роз»!

— Правительства? — Алия растерялась. — Но как же Адир? В городе есть мэрия, а я не знала, что Вы в ней состоите, уважаемый Учитель.

Аквилон улыбнулся: — Настоящее правительство — руководители душ на этой планете. Они никогда не вмешиваются в дела людей, не ждут награды и денег, но помогают незримо, если есть хоть какая-то возможность. Их действия эффективнее и не сравнить с политикой...

— Здесь я только хранитель, — пояснил старик. — Пришло время открыть двери. Островки нашей цивилизации сливаются, теперь люди нашей расы вспомнят всё. Хотя и не сразу. Через этот символический портал, — он указал рукой в сторону кресла с амулетом, — мы попадём в карантинную зону. Пробуждение продолжится в ином мире. А если понадобится время, то и ещё дальше. Твоя мать пришла сюда чуть раньше, — обратился он к девушке. — Теперь ваша очередь.

Амулет на спинке стула блеснул в лучах солнца. Луч упал на лицо Гермеса. Он потерял на миг нить событий, и понял, что просыпается в своей комнате. Солнце только что озарило его лицо сквозь открытое окно.

Возвращение

На этот раз он оценил обстановку мгновенно. Видимо, коллеги уже начали очередной «обратимый» опыт. Он запомнил ощущение вторжения в энергетическом центре²³ во время пребывания внутри «кристалла». Хорошо, что

эвакуация Адира уже шла полным ходом. Впрочем, хотя изменения уже необратимы, опыт следует приостановить — неизвестно, будет ли возможна связь с жителями той планеты... после растворения оболочки их законсервированного мира.

Он наскоро оделся и метнул заряд мысли по направлению к лаборатории. Коммуникатор ему не понадобился. На всякий случай он сжал в руках терафим лаборатории — маленькую металлическую сферу. Мысленно он представил, как на том конце провода аппарат зарегистрировал ток и раздался тихий звонок на лабораторном столе. Через несколько секунд на восточной стене его домика появился полупрозрачный образ Веды. Это был обычный способ обмена изображениями без помощи сложной электромагнитной аппаратуры, загрязняющей эфир волнами разной длины, нарушавшей атмосферные и климатические условия планеты.

От сети ретрансляторов и приёмников радиоволн цивилизация давно отказалась. Спустя несколько веков после появления технологии радиообмена и связи было замечено, насколько перегруженность атмосферы влияет на эволюцию человеческого генома. У всего есть свой предел, и электромагнитный фон отравлял организм. Сейчас изображение возникало просто под действием тренированной силы мысли поверх металлического зеркала особого сплава. Иногда аппарат усиливал ток.

Веда смотрела на него встревоженно. «Сейчас вылетаю», — мысленно послал импульс Гермес. Техника ментальной посылки требовала мгновенного освобождения от посланной мысли. «Стрела» ушла по направлению к Веде и через секунду её образ на экране кивнул и медленно растаял.

Гермес выхватил из-под кровати плоскую платформу, выдвинул телескопическую рукоятку — на ходу глайдер²⁴ послушно активировался, и он, придерживаясь за ручку, стремительно прыгнул на нём в открытое окно второго этажа. Аппарат чуть загудел, снижаясь по параболе, накренился, почти чиркнул по камням нагорья, но тут же выпрямился, обрёл равновесие и стал быстро набирать высоту... Ветер бил в лицо и колыхал греческую одежду. В полёте она была не так удобна, хотя и оказывалась наиболее гармоничной и простой в обиходе. Через несколько метров под ним разверзлась пропасть, глубиной, по меньшей мере, в километр. Гермес летел по прямой.

***

На подлёте к лаборатории его встретил дежурный шар с наблюдателями внутри. Шар светился в лучах восходящего солнца. Часть поверхности аппарата стала прозрачной, через него стало видно рассеянное голубоватое освещение внутри и двух лаборантов. Один из них приветственно кивнул руководителю, и развернувшись в крутом пике, шар пошёл на снижение. Оставив аппарат прислонённым к каменным ступеням, Гермес взбежал в лабораторию.

Присутствующие нетерпеливо и озабоченно смотрели на него.

— Здравствуйте, друзья! — он приветствовал их с порога. — Следует остановить опыт! — Тон его не допускал возражений.

— Понятно, — Борис, ничему не удивляясь, спокойно принялся останавливать зонд.

— Мы успели затронуть две нити, а вы уже что-то поняли?

— Или это опять ваш сон? — спросила Настя, давно что-то подозревавшая.

— Да, вы были правы — вчера я каким-то образом вошёл в контакт с миром, заключённым внутри кристалла..., — начал Гермес, наконец, успокаиваясь. Все прислушались.

— Искусственный интеллект? — с надеждой спросил Борис.

— И да, и нет. Теория оправдывается. Настоящее сознание нельзя спрятать внутри замкнутого кристалла... Иначе оно станет в полном смысле этого слова «искусственным». Этот предмет, по-видимому, является частью механизма коммуникации между изолированным астральным мирком и внешним, то есть, нашим миром. Точнее являлся. Пока мы не вмешались в него.

— Понятно. Кто же мог знать... — смутилась Веда.

— Не корите себя. Мы вмешались с того момента, как взяли его в руки... — Гермес продолжал.

Он был своего рода резонатором, терафимом, устройством двусторонней связи, предусматривающим такую ситуацию. Все изменения не могли быть обратимы, поскольку сразу передавались в огромный объём иного мира. Искажения структуры кристалла только вносили изменения в характер этой связи.

Планета, жителей которой я наблюдал в искажённом виде, потерпела катастрофу, затем распавшись. Осколки её в виде метеоритов блуждают во Вселенной, но астральный мир капсулировался и разделился на островки. Ждал своего часа. По-видимому, недавно открытое незаселённое тело на окраинах нашей системы готово принять новых жителей. Теперь этот мир кристалла активизируется, просыпаются его обитатели. Их планету звали «Страна Роз». Моему взору их мир предстал в виде поселения XX века, где-то в районе Срединной Азии. Может быть, именно в Срединную Азию XX века уже падали осколки этого мира? Или даже похожий терафим? Этого я не знаю. Но жители планеты Роз чувствуют

своё родство с нами. Конечно, их сознание находится как бы во сне, но летаргия проходит. Я общался с представителем их старших братьев, аналогом которому является наша земная Иерархия светлых душ.

Кристалл активировался и астральный мир планеты восстанавливается.

Вот только не уверен, что мне удастся попасть туда тем же способом. Мир начал расплываться. Ваше воздействие на кристалл отозвалось даже на мне, пока я находился в контакте с камнем. В тот момент я становился как бы частью этого «искусственного интеллекта».

Девушки с заботой смотрели на руководителя.

– Надеемся, ... сейчас с вами все в порядке?

– Да, теперь опасности миновали, — улыбнулся Гермес.

– Но почему контактировали с тем миром именно вы, Гермес? — Настя как всегда поставила правильный вопрос.

– Вероятно, потому, что я вмешался первым, — признал он. Я даже догадываюсь, почему у этого «амулета» такая странная форма — улыбнулся руководитель.

– Две сферы! Символ двух миров?!

– Мне тоже так кажется, это универсальный символ космического языка. Конечно, у этого символа есть и другой смысл... — он не договорил.

– Смотрите! — Борис перевел взгляд на собравшихся: с большого изображения структуры кристалла на стене на них смотрело узнаваемое лицо Гермеса и молодой красивой девушки необычной внешности. Большие восточные глаза её были широко открыты и полны восхищения какой-то тайной, открывшейся ей. Между ними на заднем плане мерцала маленькая «восьмёрка» амулета и улыбающееся лицо старика.

– Это лицо Гермеса, а ещё..., вы ничего не говорили, кто эта девушка? — заинтересовалась Веда.

Гермес смотрел на монитор в задумчивости.

Путешествие за барьер

Утром нового дня в лаборатории было замечено, что кристалл запечатлел эту картину ещё ярче, но многие спектральные линии его излучения погасли. Он как будто уснул.

— Вечером я попробую повторить опыт с перемещением, — разъяснял Гермес. — Кто хочет — милости прошу со мной. Но, по-видимому, дорога предстоит опасная. «Мосты разрушены», и придётся «прыгать через пропасть», выражаясь образно. У меня есть прямая настройка на ауру девушки и Аквилона. Я передам вам её. Можно попытаться достичь их вместе. Но, вы понимаете... это не рядовое путешествие. Их планета находится за пределами астральной сферы нашей системы, и попасть туда напрямую в астральном теле невозможно.

– В случае неудачи мы конечно, просто никуда не попадём, и связь с тем миром может надолго потеряться.

– Знать бы, где находилось их основное планетное тело. Впрочем, оно разрушено, и можно разве что попытаться мысленно переместиться в астральную сферу астероида Силоам.

– Если к вечеру всё будет готово, то можно приступать. А пока объявляю отдых перед путешествием, — напутствовал их руководитель.

***

После кратких инструкций, все ушли готовиться к ночному полёту. Идти с Гермесом решили вечно любопытная Настя, юная Веда и интеллектуал Ирмис.

Борис предпочёл остаться:

— Кто-то же должен следить за вами, чтобы выручить в случае нужды. Буду дежурить у монитора, следить за показаниями вашей ауры. — Он надеялся понаблюдать и за состоянием кристалла — вдруг тот отреагирует бурно и неожиданно. На самом деле, вернуть путешественников из длительного полёта было непросто. Они впадали в подобие летаргического сна. Все функции организма тормозились. И резкое пробуждение могло быть чревато неприятными последствиями. Опыт оставался опасным. В крайнем случае, можно было попытаться вернуть нескольких участников.

Для опыта было необходимо настроиться заранее. Если чёткое желание направления полёта было закреплено и цель ясна, то после погружения в сон или транс полёт происходил автоматически. Так же, как после смерти душа достигает тех мест, к которым она стремилась в своих мечтах при жизни.

Вечером все собрались в уединённой комнате верхней части башни лаборатории. Стены комнат не имели прямых углов. Это была крайне эргономичная архитектура. Овал помещения мягко светился в полутьме. Удобные кресла были расположены полукругом близ центра лаборатории. Тонкий аромат роз и эфирных масел распространялся по помещению. Генераторы подавали очищенный воздух, обогащённый озоном. Защитные лучи шли по периметру. Сейчас могла использоваться музыка, но предпочли полную тишину. Это должно было стабилизировать астральный слой во время выхода тонкого тела.

Усевшись, они согласовали последний раз мысли и отправились в погружение. Тренированным усилием сконцентрировав воображение, им удалось быстро освободиться от впечатлений дня и оставить всё лишнее. Они вместе представили образ Силоамского кристалла и его ауру. Через несколько минут опыт начался.

***

Дымка загоразживала алеющий небосвод. Утро выдалось туманным. С четырёх сторон света показались яркие точки, они встретились над горой. Четыре светящиеся фигуры вылетели из поднебесья, задержались у скал, поросших лесом. Гермес махнул своим товарищам:

— Похоже, мы оказались совсем далеко от первоначального места! — Он огляделся.

— Раньше я попадал исключительно в город. Зато это место внизу напоминает мне о другой встрече.

Он снизился и встал на скалу.

— Там, в долине, — он указал вниз, — должен быть домик Аквилона.

— Пойдём-ка, спустимся.

Задевая вершины деревьев, они заскользили вниз по склону. Но внизу ничего не было. Лес был сплошной. Наконец, за деревьями что-то блеснуло.

— Это озеро! — констатировала Веда.

— И оно должно быть здесь. На берегу мы встречались со стариком — именно его лицо вы видели в снимке кристалла.

— Смотрите! — Настя показывала прямо на скалу, с которой они спустились. Теперь, с этого расстояния на её ровном откосе был заметен гигантский барельеф в форме восьмёрки. Вскоре они уже изучали выветрившуюся от времени скалу. Прислонившись к ещё холодной в утреннем робком свете шершавой глыбе, Гермес положил на неё руку и прикрыл глаза. Через несколько минут он вздохнул, открыв глаза, неторопливо сообщил:

— Эта надпись была оставлена ещё два миллиона лет назад, когда города поблизости не было.

Поднявшись, они принялись за более тщательное обследование местности с помощью своего астрального зрения.

В вихрях энергетических потоков местности было интересным ещё одно направление — в стороне озера. Исследователи немедленно направились туда.

— Да, — сказал Гермес, приземлившись, — здесь должна была находиться хижина Аквилона.

Он наступил ногой на камень посреди поляны.

— Но нет ни тропинок, ни следов цивилизации, — отметила Настя.

— Вы заметили, в лесу много следов животных. И они все больших размеров. Даже деревья, и те значительно выше, чем у нас. Хотя уровень гравитации приблизительно равный.

— Когда-то на Земле, в эпоху Лемурии и Атлантиды, леса были выше и у нас, на Земле, — заметил Ирмис.

— Скажу больше, — Гермес задумался, — лес другой, да и стал значительно гуще, чем в мой первый визит. Я заметил это ещё с высоты. Озеро — также глубже.

— Что это может означать? — переспросила Веда в задумчивости.

— Все сходится к тому, что мы попали в далёкое прошлое этой цивилизации. Пойдём, посмотрим на то место, где должен быть город. Мы увидим всё с большой высоты теперь, когда туман рассеивается.

В утренней дымке они полетели высоко над рассеянным слоем облаков. Гермес приблизительно сориентировался и вёл группу. Показалась равнина. Это была степь.

— Так я и думал, — теперь на месте этой степи образовалась пустыня. Безответственная хозяйственная деятельность высушила местность. Как когда-то на нашей планете погубила миллионы гектаров леса и осушила многие водоёмы.

— Но мы в прошлом, ещё не совсем затронутым кризисом Планеты.

— И города тут быть не может.

Вдалеке они заметили небольшую речку и группу валунов.

— Вот здесь и должен быть город.

— Пусто... никого ещё нет!

— Кристалл закрыл входы в негативное будущее. Теперь искать обитателей надо с помощью образов девушки и её наставника, Аквилона. Хотя это сложнее. И, наверное, не нужно. Теперь Кристалл может быть подвергнут опытам без вреда для обитателей этого места. Свою роль он выполнил. Хотя он представляет собой ценный выход в историческое пласты тонкого мира этой планеты, и должен быть сохранён как археологический экспонат. Когда вернёмся, отнесём артефакт в музейное хранилище минус двадцать шестого этажа. Там достаточные условия консервации, чтобы сохранить его в целостности для последующих исследователей.

— Но давайте ненадолго заглянем в те гористые джунгли, поищем развалины цивилизации, которая породила будущий кризис, — попросил Гермес.

Они, легко развернувшись, начали стремительный полёт между деревьями и огромными каменными столбами, от тумана влажно блестевшими в лучах восходящего зеленоватого светила. В долине мягко осветились верхушки деревьев и скалы, у основания которых ещё стелился туман. Ветерок поднимал причудливые клубы дымки и она вихрями вставала на пути исследователей, когда те преодолевали уступы и огибали гигантские базальтовые сталагмиты.

Пролетая под толстыми ветвями или поднимаясь над очередным каньоном, они созерцали красоту дикой, первозданной природы. Юные исследователи немного успокоились и могли позволить себе свободный акробатический полёт. Совершая в своё удовольствие переворот в воздухе или бросаясь сквозь скалы, они радостно сознавали, что в тонком мире проницаемость тел относительна и всё возможно. Астральный мир мог составлять точную копию места, но мог в чём-то и отличаться от физического оригинала. Высокие стволы, похожие на эвкалипты, росли рядом с низкорослыми игольчатыми папоротниками. По соседству даже были странные секвойи с юбочками посреди стволов. Между деревьями мелькали птицы с огромными глазами и ярким оперением. Животные не успевали испугаться пролетающих странников.

Иногда снизу доносилось ворчание каких-то крупных травоядных, напоминающих доисторических динозавров.

И только на одной поляне они заметили старую разрушенную статую, в полузасыпанном кромлехе²⁵. Разобрать смысл творения было трудно. Фигура напоминала человеческую, с искажёнными пропорциями. Большое лицо упрямо смотрело на запад.

Рука, держащая какой-то предмет, была отколота, и кисть лежала на пригорке.

— Это творчество чем-то напоминает изваяния острова Пасхи, — задумался Ирмес, — давайте предоставим отчёты в археологическую группу и оставим поиски, — предложил он.

— Верно, давайте возвращаться — о нас уже, наверное, беспокоятся, — заметила Настя, — к тому же, неизвестно, какие сюрпризы готовит Кристалл.

Они поспешили к месту, от которого начался полёт, чтобы ещё раз осмотреть горизонт, покидая это место, возможно, навсегда.

Возвращение, вопреки прогнозам, оказалось быстрым. Легко переметнувшись через пространство, они были уже у подножия скал и взлетели ввысь. Едва осмотревшись и запечатлев в памяти картину, мгновенно ощутили себя в физическом теле. Борис внимательно смотрел то на них, то на показания приборов.

— Всё нормально? — спросил он.

Настя слабо улыбнулась.

— Да, но почти ничего не нашли.

— Всякое путешествие даёт опыт, а путешествие внутри этого Кристалла не повредило вам.

— Борис оглядел приходивших в себя товарищей, — и то хорошо, — в ответ улыбнулся он.

Гермес согласился с мудрым замечанием. Тем более, что на многие вопросы они теперь нашли ответ. Но надо найти способ продвинуться дальше.

Экспедиция на астероид

Астероид Силоам был только малым осколком, вырвавшимся из гравитационных пут в результате взрыва гигантской планеты. Но в дальнем Космосе могли располагаться и значительно большие фрагменты, часть из которых медленно достигала своих конечных мест назначения. В направлении Земли летели ещё несколько тел.

У входа в лабораторию мелодично прозвенел звонок с обозначением внешнего периметра.

— Прибывают разведчики дальнего Космоса, — отозвалась Веда, всматриваясь в полированный металл резонатора. Гермес подошёл к окну. На фоне утреннего тёмно-синего неба росла яркая голубая точка. Она вытянулась. Вскоре они увидели сигарообразный аппарат, от которого отделился световой шар. Шар плавно спустился на поляну возле лаборатории, а «сигара» в этот момент уже таяла в голубизне неба, повысив вибрации до эфирного уровня организации материи. Из шара, приветливо улыбаясь, вышел высокий черноволосый человек в защитном комбинезоне с нашивкой в виде звезды на рукаве. Он поднялся к лаборатории и у входа встретил идущего ему навстречу Гермеса. «Начальник дальней разведки Космоса, Орион», — одновременно послав мысль и вслух произнёс он, поклонившись. Рукопожатие давно вышло из моды — оно не соответствовало тонкому обращению с энергиями, разлитыми вокруг нас. Гермес отметил для себя полезную привычку работников Космоса — общаться невербально.

— Здравствуйте, меня зовут Гермес! Рады видеть Вас! Проходите, — пригласил начальник лаборатории.

— По ментальной сети до нас дошли сведения, что Вы могли бы заинтересоваться нашей недавней находкой.

— Очень интересно! И что же это?

---

²⁵ Кромлех — каменный круг. Часто — ритуальный круг, выложенный из валунов.

– В направлении системы Сириуса мы нашли осколок вашей «планеты Роз», основное тело, тождественное по составу астероиду Силоам!

– Радостная новость для нас, спасибо, капитан! — посмотрел на собравшихся позади ребят начальник лаборатории.

– Мы готовили этот сюрприз специально для Вас, — улыбался Орион. Не желали бы вы осмотреть место находок? Заодно посетим по пути и астероид.

– Ну, об этом мы могли только мечтать! — рассмеялся Гермес. — А как далеко лететь?

– Этот сектор расположен вне пределов сферы нашего Солнца.

– Вот как? Следовательно, в нашем распоряжении экспериментальный корабль!

– Корабль не самый новый, но проверенный. Мы подберёмся почти вплотную к очень активной в настоящее время звезде, и пока мы проведём сканирование, у вас будет достаточно времени на осмотр местности.

– Спасибо, Орион!

– В таком случае, надеюсь, Вы поможете нам своим опытом. Ведь вы уже исследовали их мир, контактировали с местными жителями, насколько нам известно. Поэтому Планетарное Братство и Совет делегировали меня к вам. Если вы не против, завтра поутру вылетаем.

– Конечно. Пройдемте, я ознакомлю Вас с результатами наших последних опытов.

***

Огромный астероид отличался тем, что мог удерживать разреженную собственную атмосферу. Возможно, приближение к чужому Солнцу пробудило её из влажных пород лишь недавно. И она интенсивно испарялась, образуя многокилометровую дымку, которую можно было назвать атмосферой.

Приплюснутый эллипсоид, светившийся благодаря силовому полю оранжевым цветом, аккуратно приземлился на краю кратера.

Высадив группу исследователей, команда корабля стала помогать разворачивать переносные лаборатории. Экспедиция собирались задержаться здесь на месяц. Корабль должен был прибыть за ними позже, к концу этого срока, если ничего не случится. Гермесу же хотелось просто проникнуться атмосферой и энергетикой осколка древней планеты.

Одев лёгкий энергетический скафандр, регулирующий давление и производство воздушной смеси из материи окружающей среды, он вышел, унося с собой летающую платформу. Прозрачная плёнка защиты была достаточной для блокирования чуждой микробиологии и жёсткого космического излучения.

На холме робот обнаружил небольшое отверстие и позвал людей. Похоже, когда-то рядом велась выработка руды, содержащей кристаллы. После осмотра холма с противоположной стороны были обнаружены провалы в почве. А сверху экспедицией была найдена насыпь. Гермес заметил, что рядом с нагромождением базальтовых валунов количество красновато-оранжевых осколков кристаллов было велико. Они лежали прямо вперемешку с почвой. После непродолжительного совещания нагромождение наверху было решено расчистить направленным взрывом силового луча. Установку с корабля было настроить недолго. В полной тишине луч прошёл по касательной к поверхности и буквально смёл заглущку из лавовых образований. В условиях низкой гравитации фрагменты взрыва летели долго и плавно опускались вдали, в зеленоватой дымке туманов, пробивавшихся из-под почвы в долине. Когда пыль осела, обнажилось зияющее отверстие, ведущее вглубь астероида. Оно было меньше, чем размеры базового корабля исследователей.

Отверстие представляло собой выход огромного колодца. Стенки его были образованы насыпями мелких камней с кристаллами, которых здесь оказалось необычайно много. Неровные стенки колодца уходили глубоко вниз, образуя извилистый коридор. Через пару десятков метров коридор уходил вправо, в темноту подземелья. Взрыв отбросил часть прозрачных кристаллов внутрь открывшейся каверны.

Спуск вниз по стенкам был невозможен. Почва цементировала кристаллы и булыжники, но малейший шаг грозил обвалом. Тоннель уходил в темноту.

Расщепление электромагнетизма на два компонента дало дихроматический свет, в лучах которого можно было видеть строение материи гораздо более глубоко. Помимо этого позволило создать гравитационную платформу, подобную той, что использовал Гермес сейчас. Гермес активировал её, держась за гладкую телескопическую рукоять, подлетел к центру провала и начал плавный спуск. Вначале он снижался по оси образовавшегося тоннеля, опасаясь обвала, но на небольшой глубине приблизился к стенкам, чтобы рассмотреть поверхность. Изгибаясь, они формировали ступени. Ощущалось давление стенок огромного колодца, обступившего исследователя со всех сторон. Масштабы выработки внушали уважение. Подобрал часть кристаллов, он посмотрел вверх — влажные булыжники по стенам и осыпь на уступах колодца были освещены пробивавшимся снаружи светом. Небо наверху блестело зеленоватыми лучами местного Солнца. Сколько миллиардов лет понадобится, чтобы камни и заключённая внутри них искра энергии могла продолжить свою эволюцию, когда будет вынесена на поверхность тектоническими силами... На астероиде это было невозможно, но, вероятно, очень скоро астероид найдет своё пристанище на ближайшей незаселённой планете и даст ей

жизнь, сокрытую в кристаллической форме. Микробиологическая жизнь на астероиде также не вызвала сомнений. На Земле люди уже давно знали о кремниевой, небологической форме жизни.

Агаты, подобно живым существам, проходили стадию роста, взросления, питания и удаления продуктов жизнедеятельности из своей внутренней пищеварительной полости. Наконец, внутри полости образовывался нарост, он формировал зародыш маленького агатика, который отпочковывался и мог продолжать самостоятельное существование. Жизнь кристаллов Силоама заключалась уже в следующей, эфирной стадии, отчего напомнила исследователям Земли строение лабораторного «искусственного интеллекта».

Погружение внутрь заняло немного времени. Вскоре справа стало заметно в полутьме горизонтальное ответвление колодца, обрамлённое тонкой и изящной базальтовой аркой. Откуда-то пробивался свет. Пролетев под гранитным сводом, Гермес заметил, что попал в галерею подземных пещер, соединённых между собой, такими же аккуратными арками-переходами, а в глубине мерцал тусклый свет. Это пробивались лучи с поверхности, с противоположной стороны холма, где ранее были обнаружены провалы в почве. По-видимому, холм был совершенно полым внутри. Выработки уходили влево-вниз, вглубь тела астероида. Старые арки грозно нависали над исследователем сводчатыми потолками. Обвала Гермес не опасался, эфирная защита скафандра могла выдерживать и не такие нагрузки. Но рисковать он тоже не собирался. Гермес заметил лёгкую вибрацию, которая, подобно потокам восходящего воздуха, на несколько мгновений появилась рядом с ним. Он весь превратился во внимание. Подобное на эфирном плане означает присутствие близкой ауры иного существа. Но... можно легко спутать это явление с обычным испарением в пещере, где полно скрытых источников влаги и границ тепла и холода.

«Быстрее, вылетаем», — отозвалась в голове мысль команды межпланетного корабля, усиленная бортовым ретранслятором ментального тока. «Или колебание — это был след энергичного послания с корабля?» Он ещё раз посмотрел вглубь прохладного коридора, но времени на исследование боковых каналов уже не было. Пещеры могли скрывать много таинственного. «Предоставим это профессиональным археологам», — улыбнулся он.

Плавные контуры его серебристого аппарата блеснули на Солнце иного мира, когда он вылетел на свет через маленький провал противоположной стороны холма и стал резко набирать высоту. Корабль был готов к отлёту и высился в небе. Поднимался ветер. Видимо, астероид сильно прогрелся и интенсивные испарения газов где-то вызвали перемену давления. Платформа накренилась и упрямо пошла против стихии. Остаточный заряд платформы был слаб, Гермес не рассчитывал на длительные прогулки. Но что-то было не так. Он взглянул на ободок защитного колпака скафандра и только сейчас обнаружил мерцающий оранжевый огонёк индикатора! Его уносило от цели не воздушными течениями, а мощнейшими магнитными полями, возмущающими эфирную сферу. Непривычный к быстро меняющимся условиям Дальнего Космоса он забыл, насколько лёгкая платформа зависима от состояния эфирной среды. На Земле самые сильные вспышки могли лишь придать небольшую вибрацию аппарату в полёте, но здесь, в сфере активного солнца, достигнутого экспериментальным кораблём, воздействие было опасно для его хрупкого аппарата. Мысленно он попросил операторов корабля переместиться на сотню метров вправо по оптимальному направлению встречи и через минуту влетел в приёмный луч. Магнитное притяжение транспортного луча действовало внутри, ветер ослаб. Несколько кристаллов, захваченные лучом с поверхности плавно упали, когда луч поднял Гермеса вместе с платформой. Луч стал втягиваться в корабль.

«Стартуем немедленно. Условия меняются — на Солнце выброс,— оповестил капитан по внутренней связи. — Швартуйтесь, Гермес».

Едва закрылся шлюз, Гермес ощутил нарастающую вибрацию. В магнитных потоках аппарат шёл на планетарной тяге биполярной гравитации²⁶. Выйти на эфирный диапазон мешали силовые поля возмущённых космических слоёв. «Через час — высадка на основном теле Силоама», — оповестил капитан.

Вибрация пропала, они шли в абсолютной тишине. Гермес почувствовал внутреннюю вспышку и провал, как будто корабль попал в «воздушную яму». Это был эфирный фазовый переход. Трансформация материи тела корабля и его обитателей в иную эфирную фазу. С такой скоростью они могли бы преодолеть несколько световых²⁷ лет за считанные часы, если бы не ограничения Сферы солнечной системы. За пределами Сферы влияния центрального светила, на расстоянии более одного-двух световых лет, параметры среды резко менялись, и аппараты, кроме экспериментальных, не рисковали использовать этот же способ передвижения для достижения иных звёзд. Наука шла вперёд, и скоро можно было бы совершать такие сообщения. Лишь бы сознание обитателей Земли было готово к новым встречам. Тонкий мир иных сфер мог разительно отличаться по составу и быть чужд не только физическим телам, но и тонким.

²⁶ Гравитационное поле, расщеплённое на эфирные компоненты.

²⁷ Один световой год – расстояние, которое проходит свет за 1 год.

Гермес задремал у иллюминатора. Ему снились далёкие системы и где-то далеко он увидел Эку. Она летела над простором неизвестного океана, у самой кромки берега, как будто улыбаясь. Океан был светло-зелёного цвета. Почему-то Гермес подумал, что этот же океан вечером напоминал густую жидкость тёплых красноватых тонов в лучах заходящего светила, как на картинах Айвазовского.

Неуловимое ощущение и появившаяся приглушённая вибрация оповестили о том, что аппарат входит в область гравитационного поля неизвестной планеты, переходя на эфирную тягу.

«Силоам», — подумал Гермес, глядя на открывавшуюся под ними панораму жёлтого высохшего моря с редкими дымчатыми облаками фиолетового оттенка.

Экспедиция на Силоам

Поверхность была пустынна. С первого взгляда на эту безжизненную равнину стало ясно, что физической жизни здесь уже давно нет, или она возрождается практически с самого начала. Так ли это — установят подробные исследования. Но аппараты могли сделать только часть дела. Интерпретация данных лежит на ответственности исследователей. Съёмки биологической ауры и астрального прошлого, запечатлённого в слоях материи требовали тонкой настройки и многих месяцев кропотливой работы.

После напряжённого дня, Гермес заночевал на поверхности астероида, прямо в лаборатории под открытым звёздным небом чужого мира. Скафандра лёгкой защиты никто не снимал. Условия иных миров могли быть слишком непредсказуемы даже для тренированных лётчиков, способных одним взглядом прожигать листовой металл или пролетать небольшие расстояния усилием воли.

Гермес такими способностями пока не обладал, но материальные способности были ничто перед возможностью чувствовать само сердце Космоса, идти в такт его воли к жизни. Тонкие исследования стали возможны только благодаря интуитивным прозрениям в строение материи, но не грубой силе воздействия на неё.

Купол лаборатории и большая часть её стен были прозрачны изнутри: чужое светило с зеленоватыми отсветами пейзажа на неровной поверхности пустыни рождало красновато-фиолетовые тени. Непривычные ассоциации наполняли воображение. Гермес погрузился в сон.

***

Тёмное небо иного мира и высотные дома расстились панорамой перед взором исследователя. Подобно тени, на своём быстром аппарате он скользил в небе над бредущими по дорогам мегаполиса жителями. Мерцали огни. Пролетая над скамейкой сквера он осознал: недавние воспоминания о платформе привели к её материализации в астральном мире. На самом деле, он мог прекрасно обойтись и без неё. Подумать только, стоило сообщить жителям о том, что час назад он ещё был в другой звёздной системе, за много световых лет отсюда. Они бы очень удивились, и едва бы поверили. Глубина звёздных пространств огромна. Судя по разительному контрасту между ландшафтами, астральный мир этой планеты продолжал жить своей жизнью вот уже тысячи лет, как ни в чём не бывало. Вот только катастрофа повергла его как будто в глубокий сон.

Если астероид Силоам уже проснулся, разбуженный дыханием новой жизни, и готовится к переезду на новое место, то основное тело, все ещё находящееся за долгие световые годы от места назначения, спало в глубоких потёмках. Гермес задался вопросом: встаёт ли Солнце вообще в этом мире? Или здесь настал вечный вечерний сумрак, не мешающий жителям восстанавливаться после ужасной катастрофы? Сколько времени должно пройти, чтобы разрушения, причинённые астральной сфере планеты, могли залечиться? Сколько времени уйдёт на восстановление раненых душ? Повреждений самим себе?

В вечернем небе он увидел полёт звезды. Необычная яркость феномена свидетельствовала, что не он один изучает этот мир. Некие силы были активны и помогали направлять планету к её дальнейшему назначению.

Потянувшись, он соприкоснулся с ментальной сферой пролетевшей искры... След вызвал знакомые ощущения и образы. Видимо, ему придётся настроиться на амулет каким-то образом — пробуждённый астероид был связан с этим ещё спящим пространством. Это означает, что ему предстоят новые встречи со старыми знакомыми в их астральном мире.

Но путей туда он по-прежнему не знал.

Удаляясь от планеты по орбите, он заметил на поверхности свет. Не все области этого мира спали! Что-то насторожило Гермеса. Он решил задержаться. Чуждые вибрации проникали в сознание. Эту планету не только опекали. Видимо, бациллы идей, повергшие в разрушение этот мир всё ещё дремали, ожидая воплощения. Не случайно те искры света, что он встречал на орбите, вели дозор. В глубине этого спящего мира продолжалось противостояние. Идеи разрушения были порождены тёмными существами, вступившими на путь хаоса. Они сами по себе были уже редко способны изменить свою природу, и большинство в течение времени, прошедшего с момента планетарной катастрофы, было поглощено своими же энергиями разрушения. Чёрная воля породила в мире мысли реакцию окружающей среды, называемой древними понятием

«карма». Несомненно, возмездие, как абсолютный закон равновесия Бытия, существовало во всех мирах. И этот не являлся исключением. Но средней руки маги и просто примкнувшие к ним бессознательно достаточно сильные личности не могли быть полностью ввергнуты в сон и не заслуживали полного разрушения. Они дремали и по инерции часть их продолжала тёмную деятельность, пока большинство спали в obscurации²⁸. Разбуженные вмешательствами в этот мир и недавними событиями силы начинали игру.

Одна световая область имела характер вполне нейтральных излучений. Здесь проснулась память о старой цивилизации. Пролетая, Гермес заметил странные ряды узких и глубоких ванн-бассейнов с чистой желтоватой водой, которая как будто приглашала искупаться. Но делать в этом мире иллюзий ему было нечего. Он искал что-то другое. Через некоторое время интуиция вывела его на след большого хранилища знаний.

Доступ к ней открывался автоматически по светимости ауры. Силы-Хранители были настроены точно.

Некоторые светлые умы соединёнными усилиями собрали эту астральную библиотеку.

Да, она охранялась. Гермес почувствовал вибрацию. Время текло быстро. Охранные силы, на границе которых он остановился, признали его за своего, он ощутил их ментальную передачу. «Буквально только что кто-то проник в здание и сумел извлечь редкую книгу по исследованию тектонических сил». Гермес метнулся наружу охранного поля. Личность не могла быть откровенно тёмной, иначе хранилище не пропустило бы сущность вовнутрь. Но могла действовать по чьему-то руководству или бессознательно способствовать какой-то сомнительной и спланированной операции тёмной группировки сил. Они вполне могли обманом через свою цепь привлечь невольного сотрудника на свою сторону.

Неподалёку стоял большой серый журавль, ростом с человека. Гермес пригляделся — это была мимикрия. Женщина, имевшая почему-то обличие тёмно-серой птицы, подобно оборотню, скрывалась за иной оболочкой и сейчас изящно выгибала журавлиную шею. Из наброшенной сумки выглядывал край фолианта. Журавль прислушивался или внимательно смотрел на Гермеса.

— Здравствуйте, — подошёл ближе Гермес. Журавль отшатнулся и вскинул крылья. Послышался шелест, птица преобразилась и выполнила плавное движение, похожий на кадры из старого фильма о мастерах боевых искусств Востока. Это искусство людьми Земли было давно забыто, как неприложимое к жизни.

Женщина метнулась к ближайшему дереву, в повороте свистнуло крыло — и ствол начал быстро крениться в сторону Гермеса, срезанный как острым ножом. Вместе со своей раскидистой кроной дерево грузно и с треском оседало, поднимая в вечернем свете упавшие листья и пыль, рухнув к ногам изумлённого руководителя лаборатории. Он собрался и перепрыгнул через ствол гигантским прыжком, памятуя, что в этом мире можно задавать свои законы силой тренированной мысли.

Мысленно он вернул упавшее дерево на место. Хотя оно и принадлежит тонкому миру, но оно живое, и даст когда-то свои плоды, воплощаясь. «Чёрное искусство разрушения,— подумал Гермес, — не лишено красоты, привлечённой на службу тьме». Крылья журавля мелькнули по направлению к тёмному пустынному дворику. Он собрался и совершил мгновенное перемещение, представив, что должен находиться сейчас у того тёмного здания, а вовсе не здесь. Медленно отступил окружающий мир и картинка сменилась.

Журавль вскинул крылья совсем рядом и остановился, опёршись о стену от неожиданности.

Девушка-журавль бросила озабоченный взгляд вверх, в её руке сверкнула вспышка, и стена полуразрушенного здания над ними накренилась, журавль быстрой змейкой метнулся вправо. Успев отпрыгнуть, Гермес заметил, сквозь пыль, что журавль скрылся за ближайшим деревом. Материализовавшись поблизости, он не скрываясь ступил за ствол. На него обрушился заряд мысли и град ударов, который пришёлся в прочный щит его ауры, не искажённой страхом. В это мгновение аура, с точки зрения женщины, имела вид древнерусского щита с современным гербом Планетарного Совета. Щит без труда отразил все удары. Журавль отпрыгнул, Гермес мысленно представил, что натягивает огромный лук. Журавль, видимо, не на шутку испугался и отчаянно замахал крыльями — вокруг неё стало собираться строение, старые рекламные щиты и кирпичи летели со всех сторон, послышался шум и свист бегущей подмоги. Образовавшееся строение из камней и строительного мусора медленно погружалось под землю.

Гермес сосредоточился. Строение казалось неприступным. А времени оставалось, по-видимому, мало. Его аура расправилась, из неё от напряжения полились волны света. Не задумываясь, он прыгнул прямо в эпицентр — на крышу наполовину уходящего под землю «дзота». Вопреки ожиданиям, послышался только лёгкий шелест. Стены растаяли. Парк был пуст. Никто не приближался к ним. На земле стояла только маленькая восточная тахта. Девушка испуганно поджимала на ней ноги, сидя вполборота к нему. Раскрытая брошенная книга лежала рядом. Она была совсем ещё девочка. Вскинув голову, уже спокойнее посмотрела, не произнося ни слова. «Твоя взяла», — наконец, тихо сказала она. Быстро оценив психологию, Гермес

²⁸ Obscurация (эзотерич.) — гибернация, сон и замирание жизни Планеты.

достал из правого кармана... конфету, как ни в чём не бывало, будто приготовясь съесть. Она слабо протянула руку: «Подарите?» Он кивнул. И, улыбаясь, скомандовал: «А книгу — мне!» Просьба была немедленно исполнена.

«Благодарю», — ответил Гермес. «И — до встречи! Смотри — не балуйся больше! Это нехорошие люди, кто научил тебя украсть книгу. Никогда больше не имей с ними дела!» — попросил он.

Ему показалось, что девушка поняла это достаточно хорошо. Он так и не проявил к ней никакой агрессии. Личный пример, показанный им, был убедительнее слов. «Если бы воспитание каждого ребёнка с раннего детства было основано на ярком личном примере, на глубоком знании тайной природы человека, то насколько мы могли бы приблизиться к основам Бытия раньше...», — подумал он.

«Прощайте, рада была с вами познакомиться, заходите в гости!» — услышал он, оборачиваясь.

Она смотрела, как Гермес, очертив сияющий путь, подобно метеору, возвращался домой, в свой Космос. Кто знает, о чём она успела подумать в тот момент, но судьба беспризорницы с того момента изменилась.

Отложив книгу в библиотеке, Гермес предупредил силы, охраняющие вход «быть на страже». Уточнённая программа должна была теперь, по-крайней мере, заранее предупредить основные силы о нападении.

Уходя, он заметил, что на полу лежал полураскрытый том, случайно упавший с полки. Гермес сдул пыль и раскрыл первую страницу. «Вероятно, интересная точка зрения из области физико-математической философии», — подумал он. «Математические функции смысла, и их сходящиеся ряды», — гласил подзаголовок. Каждый член ряда выражал философскую категорию. Определяя операции, можно было доказать предел смысла. Гермес оценил мысль автора. Знакомая область, но относительность выводов автора была ошибочна. Запомнив несколько формул, он перевернул книгу. На обложке значилась полустёртая надпись, из которой можно было разобрать «Edinberg, 1836». Название места было созвучно с земным. В задумчивости он поставил на полку древний фолиант и взглянул на индикаторы у входа.

Когда алгоритм программы был скорректирован, одинокий путешественник вышел из необозримого по размерам здания.

Взлетая, Гермес увидел яркое зелёное Солнце, уже поднимавшееся над горизонтом и пронизывающее дымку атмосферы внизу. Цвета, смешиваясь по законам оптики с дополняющими их фиолетовыми пятнами теней на почве, играли причудливыми бликами в глазах жителя Земли. Внизу в лучах заката расстилалось багровое море, тёплое и густое. Оно осталось в памяти каким-то неясным беспокойством.

***

В этот момент лучи солнца коснулись лица спящего Гермеса, и он медленно пришёл в себя, развёртывая цепь воспоминаний.

«Таков этот мир изнутри», — произнёс он вслух, посмотрев сквозь кристалл прозрачной стены. Внешне по-прежнему простирался лишь безжизненный ландшафт, немного необычных оттенков.

«Надо будет предупредить всех, кто занимается исследованием этой планеты, что тонкая жизнь этой планеты разносторонне активна,» — решил исследователь.

Часть 2. Путешествия Гермеса

Уроки истории

— Гермес, последние события требовали от вас больших напряжений, и вам положен краткосрочный отпуск, — пошутила Веда, заметив, что Гермес отвлекся, о чём-то задумавшись во время опыта. Окружающие немедленно согласились.

— Вам нужно сменить на время деятельность, а мы справимся и сами.

При правильном распределении нагрузки на нервные центры отдых давно перестал быть простым бездельем. Люди умели проводить каждую секунду с пользой: либо размышляя, давали отдых телу, либо, отдыхая мыслью, творили. И тем более мечтание, свободный полёт мысли не были бессмысленными, ведь мечта открывала неожиданные новые пути.

— Попутешествуете, встретитесь с семьёй, — предложила Настя, — давно ведь уже не виделись!

– Верно, — согласился Гермес, — только вначале мне придётся посетить библиотеку: хочу проверить места падения метеоритов в старые времена в районе Средней Азии. Вдруг попадутся новые подробности? Нужно завершить это исследование и передать археологам всю информацию. И потом, есть новые идеи, — он весело улыбнулся в ответ.

– Вы, как всегда, в работе! Даже в отпуске. Удачи!

– И ещё у вас, оказывается, уже готовы дальнейшие планы? Это интересно!

– Спасибо, друзья! Благо, и школа рядом, где сейчас учится Уран.

– А, передавайте привет сыну, он уже вполне взрослый! Если повезёт, встретите Ариадну.

Его родная девушка, душа-близнец²⁹, работала в мирах иных планет, и её нечасто можно было найти в атмосфере Земли.

– Не теряйтесь, Гермес, будем ждать возвращения!

– До встречи!

***

Они летели над поверхностью Земли. Гермес смотрел сквозь прозрачную стену сферического аппарата. Жёлтая аура Планеты, полторы тысячи лет бывшая почти коричневой, спустя много веков восстановилась. Прежде всего, объединёнными усилиями, удалось очистить нижние слои Тонкого мира Планеты. Это показали фотоснимки эфира. Но каждый человек мог видеть зачатки излучения. Прогресс генома не стоял на месте.

Зелень, одно время почти истреблённая, благодатно восполняла свои ущербы. Леса распространялись уже на месте старых пустынь. Но ещё предстояла немалая очистительная работа. Слишком глубоко проникли в почву и воды химические вещества, использовавшиеся в промышленности в эпоху «технологического рывка». Нескоро восстановятся запасы недр после долгих веков потребительского отношения к Природе.

Пилот кивнул ему, уловив яркие образы, излучаемые Гермесом в задумчивости, и, мысленно соглашаясь, указал на окно. На экранах внешнего обзора были видны несколько светящихся жёлтым эллипсоидов. Они были заняты удобрением почвы дифференциальными лучами. Спектральный состав луча восстанавливал плодородный слой.

«Но экстренное воздействие применять нужно осторожно, — рассуждал Гермес, — всё имеет свой побочный эффект. Самые разумно подобранные лучи могли нарушить природное равновесие, сместить баланс между экологическими нишами³⁰».

Поэтому аппараты работали много лет. Действуя в критических точках планеты, они шаг за шагом, слой за слоем возвращали почвам их естественную ауру. Эфирные компоненты проникали глубоко. Но охватить всю территорию планеты было невозможно.

Магнитные карты с обратной связью на станциях искусственного интеллекта следили за экологией.

Аппарат накренился в вираже, и взгляду экипажа открылась необъятная перспектива полей и лесов, уходящих вдаль.

Гермес взгляделся. На полянах и в горах рассыпались небольшие круглые домики. Когда-то любопытные исследователи воспроизвели звук сталкивающихся человеческих аур в толпах мегаполиса. Город звучал как расстроенный оркестр. Случайные сочетания невольно порождали эфирные яды. Это убедило людей, что такое скопление народа в одном месте недопустимо.

Люди вспомнили древний завет Платона о Музыке: не только в гармонии звуков, но и в ритме мышления и самой жизни! Естественный мир Космоса был полон гармонии, потому природа звучала музыкой Сфер. Но случайно подобранные соседи будут только мешать мышлению друг друга. Вот откуда были частые нервные расстройства и ослабленный иммунитет жителей старого мира.

Когда ещё Альма показывала ему древние города, Гермес, руководствуясь своим опытом, не мог понять, как, разделённые перегородками, в ячейках квадратных сот, в многоэтажках, люди жили по соседству со случайными аурами. Никакие стены не могут скрыть ауру соседа.

Пчёлы, живя в аналогичных домиках, по-крайней мере умели думать об общем деле на своём наречии. Но разномыслящие люди? Гермес живо представлял себе знакомую картину: ауры неизбежно сталкивались, волнообразно расходились, с треском разрядов и световыми трепетаниями. Всё-таки он представил себе гармоничные ауры. Что же происходило от враждебных, отягощённых мрачными настроениями?

---

²⁹ Согласно гипотезе, используемой здесь, души, центры кристаллизации сознания, рождаются в недрах Космоса не по одиночке, а парами, подобно парам виртуальных частиц из вакуума. Эти родственные души имеют синхронизм, подобно частицам в парадоксе Эйнштейна-Подольского-Розена и при квантовой телепортации, имея взаимосвязь и относительную противоположность на протяжении воплощений, объединяясь в любви, способны менять мир вокруг себя наиболее эффективно, представляя реализацию основной тайны мироздания.

³⁰ Экологическая ниша — место, занимаемое популяцией в сообществе (биоценозе), комплекс связей и требований к факторам среды (Ч.Элтон, 1927 г.).

Колебания как бы нагретого воздуха, возникавшего при таких сильных эмоциях, люди должны были замечать невооружённым взглядом. От столкновений они должны были даже испытывать рефлекторные спазмы или мимолётные головокружения от столкновения разнонастроенных аур, но, видимо, не признавались друг другу и себе в объективности впечатлений.

Или же им просто не придавалось значения? «То, о чём не знаешь, на то не обращаешь внимания...» — думал юный землянин.

Только расселение по просторам Планеты постепенно дало мир и гармонию мысли. Собираясь вместе, теперь люди образовывали не толпу, но мощную силу, управляющую стихиями. Физическая дистанция давно не была преградой для общения. Постепенно сила мысли вытеснила аппараты. Помогало использование небольших ретрансляторов, фокусирующих устройств психических волн и продолженных резонаторов. «Человечество всегда функционировало по сети мысленной связи как единый организм, но раньше этот организм был болен, а теперь выздоравливает и меняется в лучшую сторону», — с облегчением отметил молодой учёный.

В горах воздух достаточно чист, но в низинах и на равнинных местностях раньше скапливались тяжёлые яды. Там даже теперь дышать было труднее. Астральный мир в таких условиях тоже засорён. Потому на равнинах и потенциально опасных местах оставалось пока устраивать высотные дома в виде цветов. В будущем их сменят обычные сферические домики.

Лифты и шахты инфраструктур таких «цветов» помещались в колонне, напоминающей изящный стебель. Вознесённые на высоту десятков метров бутоны разнообразных форм и оттенков несли несколько комнат для их обитателей.

Заселённые пространства стали напоминать гигантские луга!

Эти домики располагались на значительном удалении друг от друга, образуя поселения. «Цветы» новых строений могли возвышаться над лесами и над нетронутой травой степей. Новые, эфирно-модифицированные материалы легко выдерживали такие архитектурные ансамбли, преоборевая натиск стихий.

Сами силы природы были значительно укрощены, когда цивилизация стала обращать внимание на связь психических волн и состояния погоды. Из кабинетов врачей психология вышла в поле и стала регулировать климат.

С помощью электризации атмосферы токами удавалось перемещать в безопасное место и рассеивать гигантские тайфуны и смерчи.

Места же катастроф можно было рассчитать, используя методы астрологии в комбинации со спиральной математикой. Сын Гермеса, Уран, был автором этого исследования в своём далёком воплощении, потому к нему иногда обращались за практическим советом, когда надо было решить сложный вопрос организации полей.

***

Они пролетали над школой. Но Гермес пожелал посетить школу сразу после библиотеки Юго-Востока, которая находилась совсем рядом.

Удалявшаяся вниз, в рассветной дымке высотная площадка школы была усеяна цветами. В облаке озонового поля она вспыхивала зарницами — школьники экспериментировали с цвето-звуковыми ассоциациями, рождаемыми мыслью. «Наверное, этой божественной симфонией, что звучит сейчас внизу, восхитился бы сам Скрябин...» — радовался Гермес. Лишь отдельные звуки долетали до его слуха. Но световое представление было захватывающим.

Не так давно стало возможным рисовать, воплощая полёт фантазии сразу в зримых образах — ретрансляторы собирали потоки эфирной материи и укладывали в пространстве, повинувшись токам мысли автора.

Детям было интересно наблюдать собственную ауру. Разные мысли вызывали удивительные краски и световые формы в ней. Это было ещё и полезным упражнением, дисциплинирующим волю, позволяющим достигать самопознания. Ведь даже в Тонком мире своя аура была не видна. Зато она была главным фактором для собеседника. Теперь вместо собственного лица в зеркале было интереснее понаблюдать за игрой ауры.

Физическим нагрузкам тоже отводилось время, и скучать ученикам было некогда. Но некоторые предпочитали уединённое размышление. Учителя помогали каждому найти свой путь. Может быть, такие одиночки могли совершить самые глубокие открытия.

В древней физике эпохи «технологического взрыва» уже исследовали загадочные свойства физического вакуума, рождающего, будто Первоначало вещей, виртуальные пары частиц, а когда-то — всю Вселенную. Этот принцип следовало углубить.

Сын Гермеса, Уран, был занят поисками основы мироздания, Огненной стихии. Она имела много наименований в истории народов.

В устах мыслителей Греции, средневековой Европы, в древнем Китае и Индии были распространены разные именованья, которые имели много общего. Звучало ли оно на устах философов как непознаваемый Огонь, или Агни, или Атман, но от Пифагора до наших дней — было воспето Единое начало мироздания.

Конечно, теория рождения Вселенной из точки теперь стала только символом. Исследования показали многочисленные центры зарождения, распределённые по всей Вселенной. Но загадка их лишь отодвинулась вглубь материи ибо оставалась вечно актуальной.

«Тайна — вечный Магнит эволюции» — рассуждал Уран. Мысль соединяла мыслителя с собственной глубокой природой, тонкими уровнями её организации, сокрытыми в сознании. Резонанс вызывал из глубин материи спящее знание о самом себе. Кто знает, из каких далёких слоёв прошлого или глубин Космоса приходили атомы, составляющие это тело, какую память о себе можно было извлечь? Кем, когда, в какую эпоху посланы в пространство незримые размышления о Природе, достигшие мыслеволнами нас только теперь?

Основой глубокой философии могло быть единство³¹ всех частей Космоса, уровней его организации. Ведь законы природы универсальны. Значит, и понять истину можно было только одним способом — обретая единство. Только развиваясь, сознание могло вмещать это единство. Ведь огонь — это вечное движение. В противном случае, как говорили древние, «огонь уходит из негодного вместилища».

Цемент мироздания, делающий его единым, был в сознании и веществе. Только на языке механики он мог называться законом природы. Но для философов всё построение скрепляло огненное притяжение, или Любовь к Космосу, к людям, к живым существам, к жизни и её качествам.

Эти древние размышления переоткрывал для себя Уран в разговорах с отцом. Тайну сознания невозможно описать механически, даже найдя истоки законов. Давно было найдено ей более подходящее наименование. Об этом размышлял Уран и сейчас, улыбаясь, глядя на восход Солнца. Он давно заметил летящий по небу аппарат, то загорающийся яркой звёздочкой, то неровно мерцающий как пылинка в луче света. Мысли его текли и незримо объединялись с родственными поисками отца и матери.

Аппарат уже прочертил небо и исчез за горизонтом. Ещё не время встречи. Уран услышал мысли отца.

В эпоху Рассвета было найдено, что миграция душ подбирает коллективы, называемые семьями не случайно.

Когда-то Христос спрашивал «Кто человеку ближний?» Другой Великий Учитель предупреждал: «Могут спросить, не есть ли семья символ вражды?»³² Но семья теперь становилась братством.

Когда осознана тайна в себе и других, тогда возможна гармония семьи, тогда расцветает общество будущего.

Теперь родители звали детей в этот мир с большей ответственностью. Наивные жители древней эпохи «железного века» и «технологического рывка» полагали, что сочетание животных клеток может само по себе родить разум.

Они не трудились призвать светлого путника, родного человека в свою семью. Люди даже не предполагали, что их ребёнок где-то рядом с ними, в атмосфере Тонкого мира. Они порождали хаотические водовороты страстей, в которых так трудно было удержать память о Тонком мире. Круг материальности замыкался.

У рождающегося уже не оставалось выбора, кроме как прийти в самые неблагоприятные условия. Но это лишь увеличивало страдания в мире.

Лишь много позже, приняв в мудрой книге слова: «Окно, во тьму открытое, принесёт ночные голоса, но зов любви принесёт ответ возлюбленного», — люди осторожнее стали выражать свои желания.

Библиотека Юго-Востока

Из аппарата, зависшего над тёплым восходящим солнцем, не спеша выплыл Гермес на своём глайдере. Он махнул капитану эллипсоидного корабля, и машина, зарастив отверстие шлюза, с немыслимой скоростью растворилась в родном небосводе. Гермес шёл на снижение, любуясь окрестностями. Где-то среди них он чувствовал родственные потоки мыслей.

В тишине леса в свежем от росы рассветном воздухе пели птицы. Опустившись на краю посёлка, Гермес двигался по тропинке между деревьями к ближайшему строению, грациозно взметнувшись в небо, возвышаясь над самыми высокими соснами, окружавшими поляну. По форме строение напоминало распускающийся тюльпан, с нежными лепестками красноватых тонов. У основания блестели жёлтые ободки, стебель утолщался, и пара зелёных балкончиков заменяла «листья». Дом поглощал всеми своими порами широкополновой спектр Солнца. Материалы покрытия обеспечивали эффективный обмен воздушной среды и свето- и теплообмен. Эмблема в виде барельефа раскрытой зелёной книги над входом оповещала путника, что это — одно из зданий библиотеки. Тюльпан покоился на каплевидном основании. По сырой шуршащей траве Гермес направился к входу в здание. Металлические двери выглядели скорее как мягкая бархатная кора дерева со светлыми жилками. Они автоматически и с лёгким шелестом свернулись в рулон кверху, будто шторы. Внутри засветился рассеянный свет. Это атмосферные конденсаторы

³¹ Ср. теорию Дэвида Бомы (David Bohm) и Карла Прибрама (Karl Pribram), изложенную в издании: Талбот Майкл. «Голографическая Вселенная» / Перев. с англ. — М.: Издательский дом «София», 2004.

³² Агни Йога.

отдавали энергию эфирной среде внутри помещения. Воздух словно светился вокруг Гермеса, пока он шёл по овальному коридору. Теней при таком освещении не было, и даже наоборот, свет концентрировался вдоль стен и в нишах. Это напоминало посетителю самосветящуюся материю Тонкого мира. Местами свет переходил в голубоватый, но иногда, подчёркивая оттенки зелёного сада, видневшегося из окон, отливал мягким зеленоватым сиянием. Слева стояла небольшая подставка с календарём циклов³³, поверх которого были какие-то надписи. На вахте никого не было.

Пройдя прямо, в центре зала руководитель лаборатории достиг широкой колонны с плавными обводами. Лифт предлагал горизонтальное перемещение в соседнее здание, но Гермес выбрал — вверх. Прозрачная кабина лифта подняла его на третий этаж. Вероятно, основные уровни находились внизу, под основанием башни, где условия хранения музейных экспонатов и летописей старого времени тщательно поддерживались.

В затемнённой комнате стояли несколько кресел, невысокий столик. Прозрачный монитор у стола мерцал разноцветными огоньками, его самоподдерживающаяся нейронная сеть, будто ребёнок, играла, обмениваясь информацией с окружающей средой. Гермес подошёл ближе. Изображение радостно заискрилось, считывая информацию ауры.

«Здравствуйте!» — произнёс интеллект. — Рад приветствовать Вас, брат Гермес, в нашей библиотеке,» — искусственный разум уже успел сканировать ауру и определил пришедшего. Отпечаток излучения Гермеса был ему знаком. Яркость ауры могла измениться во время болезни или в подростковом возрасте, пока организм формировал нервные центры. Но Гермес к этому возрасту уже не относился. «Нас предупредили, что вы будете..., но мы не ожидали, что так скоро. Хранителя Эола сейчас нет. Они все собрались на вечерний концерт в другом конце посёлка. Будут приблизительно через два часа».

«Спасибо,» — помедлил Гермес, — «покажи мне каталог...»

Следующие несколько минут он изучал поисковые возможности станции.

***

В который раз Гермесу приходилось погружаться в историю.

«Надо будет, наконец, заняться будущим,» — решил он. — Сколько прекрасных идеалов можно найти на иных планетах, где люди ушли вперёд в развитии. Да, физической жизни поблизости нет. И общение с цивилизацией на ином уровне существования нелегко, но это единственный путь расти. Ариадна правильно решила работать в иных мирах. Можно приблизиться к планете физически, но ничего не понять. Объединит только мысль. Наши соседи имеют очень развитые тонкие миры». Гермес вспоминал свои путешествия на ближайшие планеты в тонком теле. Изредка кому-то удавалось посетить и отдалённые, вроде Урана, но понять жизнь там было труднее.

Пройдя несколько шагов, он оказался рядом с огромной прозрачной сферой за занавесью библиотеки, в дальнем конце зала. Проектор был подобен «волшебным шарам» древних. Конечно, хрустальных шаров выше человеческого роста надо было ещё поискать в природе. Но это был не хрусталь. Прозрачный эфирный кристалл пульсировал изнутри, и глубина его казалась бездонной, притягивая взгляд. С шипением разрядов сфера активировалась и стала похожа на миниатюрную звезду с мягкими протуберанцами плазменных выбросов на поверхности. Сфера могла показать выбранные посетителем исторические изображения. Здесь была применена иная технология, чем в «исторических видениях» Альмы — ведь аппарат не мог излучать мысль и фиксировать её в пространстве.

Древние имена заполнили звучанием библиотеку. Они были составлены необычно — вне законов звука, и не соответствовали владельцу. По имени Эола Гермес сразу установил приблизительные тона его сиреновой с проблесками жёлтого ауры. Также имена Ариадны или Урана отвечали двум или трём слоям их цветовой гаммы. Но отнюдь не случайные звуковые сочетания. К тому же, древние имена оказались однообразными.

Вибрации имени могли усиливать определённые качества владельца и подавлять другие, более важные слои ауры, тем самым со временем даже нарушая здоровье человека.

«Мы пользуемся целебными ритмами, упорядочивающими организм. А когда-то люди допускали любое случайное звучание из радиоприёмников, автомобилей в каждом офисе, на каждом углу, не задумываясь о том, как мощная природная сила отражается на всём быте народа. Даже тембр голоса иной раз может расстроить мысли, нанести повреждения не хуже пули. Никто не заботился о благе народа, хотя в данном случае, скорее по невежеству...» — понимал Гермес.

Наблюдая призрачные картины прошлого внутри кристаллического шара, он заметил, что население в те времена было крайне неравномерно обеспечено.

Финансовая система официально предназначалась для удобства цивилизации. Но природа сопоставляет ценности точным балансом сил. Но независимость денег от товара позволяла производить их в любом количестве! Даже превышающем разумные оценки. Человек, вводя в обращение монетные эквиваленты, ошибался на каждом шагу. Это неравенство называлось не ложью, а «инфляцией».

Так пояснила ему «сфера» библиотеки.

Между тем, никто не замечал, что инструмент, созданный для служения обществу, стал самостоятельным институтом, работающим на себя. И увеличивал состояние тех, кто работал на себя. Он стал инструментом обогащения, а не благосостояния общества!

Гермес остановился, рассуждая. Альяма уже говорила ему о денежной системе. Приложив руку к шару, он приказал ему остановиться. Замысловатая картинка древнего города повисла в воздухе. Выпуклая линза шара отображала ближайший небоскрёб.

— Скажи, где корень этой проблемы, — обратился он к станции.

— Сформулируйте вопрос точнее, — виновато произнёс аппарат, — я не могу вас понять, — честно ответила сеть.

— Чем они заняты?

— Это бизнес.

Понятие «бизнеса»³⁴ ассоциировалось с «делами». Гермес задумался...

«Заработная плата» представляла собой уже не долг общества перед конкретным гражданином, а обезличенные «деньги», которые могли быть переданы третьим лицам, концы причинно-следственной цепи долгов терялись в хаотическом круговороте отрицательных величин, задолженностей кого-то перед кем-то.

Системы были бессильны отследить безликий долг. Отрываясь от природного баланса причин и следствий, система стала работать на себя. Каких ещё доказательств требовалось старому обществу, если учитель-труженик, не требовавший для себя ничего, но вкладывая свой неоценимый труд в будущее поколение, едва зарабатывал себе на жизнь, в то время как те, кто посвятил себя работе в финансовой сфере, могли получать неограниченную прибыль от самой системы! Система давно перестала быть полезной обществу, но некому было отсеять раковую опухоль, овладевшую цивилизацией. «Эта операция потребовала бы самых искусных хирургов, ведь метастазы опухоль пускала в сознании самых разных людей. И хороших, и плохих.» — отметил про себя Гермес, — невозможно одним ударом разрубить Гордиев узел, если он связывает сознание множества людей. Получится только вред».

Гермес успокоился — ему пришла логичная мысль.

«Природный баланс такой несправедливости не допускал, общество должно было развиваться и вынуждено было передать ценности тем, кто работал на общественное благо». В этом древние видели руку кармы. Произошло это не скоро. Но закономерно.

Шар продолжил вращение. А Гермес наконец напал на след искомого. В каталоге было зафиксировано два осколка метеоритов с подобным спектром ауры. Они упали в Средней Азии в 1922 и 1957 годах.

Руководитель лаборатории рассматривал объёмные изображения двух кусков камня. Номера № M1922-Ю313А-прим и № M1957-ЮВ1005Б.

«Что же, теперь становится понятно, каким причудливым образом смешались образы городов начала XX века с астральной атмосферой Силоама,» — улыбнулся Гермес, вспоминая свои приключения.

На поверхности столика появились поднятые из архивов, внизу под зданием, эфирные копии образцов метеорного вещества. Некоторое время он изучал их ауру. И затем задумчиво положил в углубление приёмной системы стола.

Гермес вздохнул и посмотрел за окно, где несколько ярко освещённых садовых деревьев беззвучно шелестели листвой. Стоило пойти до конца, и поискать следы метеорного происхождения вплоть до новейшей истории данной местности.

***

Последующую «Эпоху религиозных смут» он представлял себе достаточно хорошо.

Мир вышел из отрицательных величин денежных иллюзий, и перед лицом мощных природных сил вынужден был навёрстывать упущенное в играх предыдущих поколений безумцев.

Всепланетные советы учёных, наконец, поняли, как расширить материалистическое представление, не теряя почвы под ногами. Фотографирование аур стало общедоступным, и каждый смог наблюдать истинные, нематериальные, культурные ценности, воплощающиеся в способностях личности, в самой ауре.

Проблема назревала постепенно. В тот миг, когда наука расширилась до физики сознания и вторглась в область, исконно занимаемую философией, религией, те, отстаивая свои права, отчаянно стали бороться за своё существование.

³⁴ Англ.: «buiseness» — бизнес, занятие, дело, «to be busy» — быть занятым.

«Закономерно, — подумал молодой человек, — вступая в новую область, область мысли, мы оказались новичками».

Традиции, накопленные за тысячелетия, не могли усвоить универсального мышления, выраженного наукой, не могли принять иных выражений. Словно забывая наказы своих учителей о том, что молитва «не в букве, а в духе и истине».

Что представляли собой полёты мысли исследователей перед лицом звёздного Космоса, как не молитву, идущую от сердца? Вдохновлённые единством путей науки, культуры, религии и философии, творческие прозрения поднимали мышление на новую ступень. Разве можно запретить птице лететь своим путём? Но традиции культов хотели оставить небо себе.

На глазах развивался парадокс: в тот момент, когда бесконечные пути открылись, начались новые витки противоречий.

В воздухе запахло войной. Конечно, третьей мировой не могло быть. Но призрак её ослабил человечество психологически и материально. Запасы природных ресурсов на Земле не были бесконечны. Но новую технику сразу же пытались превратить в военное преимущество.

Проектор показал воздушные столкновения древних аэропланов.

Неповоротливые и тяжёлые двукрылые машины исторгали шлейфы ядовитых реактивных струй, с воём встречались плазменные ракеты и лучи рентгеновских лазеров.

Давно уже не вспоминалось Гермесу то ужасное состояние, которое люди древности называли «войной». В те времена мир был ещё поделён на сотни стран, границы меж которыми тщательно охранялись от соседей. Подсознательно человек человеку был не «ближним» и другом, а в первую очередь врагом. Никто не смотрел на нелепость того, что такое состояние пришло из прошлого, и само по себе наличие границ означало негласную «холодную войну», знакомую теперь только историкам. Границы стран пролегли по телу Земли будто шрамы былых войн, постоянно напоминая о себе болью.

«Если бы эти ресурсы, направляемые на междоусобицы, военные машины, политику и разведку были направлены в мирное русло, человечество совершило бы гигантский скачок ещё в тёмные века,» — убедился Гермес.

Ведь ещё во времена Атлантиды, гораздо более древней исторической страны, несколько миллионов лет назад, существовало развитое земледелие, наука, летающие корабли на простой эфирной тяге. Лишь развитие конфликтов и внутренних противоречий привело к тому, что цивилизация начала разваливаться и уничтожать мир. Многие её достижения Планетарному Братству потребовалось отнять у людей, переживших катастрофу.

О выходе из тупика Гермес уже знал, благо, человечество постепенно нашло свой путь. Постоянные научные познания и терпимое преподавание философии в течение многих веков расширило мировоззрение Земли. Служители культов поняли друг друга. Бессмысленность ограничений Единого мироздания, налагаемых старыми приверженцами, была негодна перед лицом фактов. Многие использовали свои новые способности в лабораториях, служили в исследовательских и спасательных экспедициях и воочию могли рассмотреть слои Тонкого мира. Потому мысли Гермеса, посветлев, потекли другим руслом.

Лишь относительно недавно стало возможно без использования тяжёлой техники мгновенно изучать состояние отдалённых местностей, разыскивать пропавшие экспедиции, исследовать причины и следствия путей истории. Громадное количество ресурсов цивилизации было освобождено на более полезные нужды.

Изучая историю в хрустальной сфере библиотеки, Гермес воспользовался данными, полученными историческими сканерами³⁵.

Материя запоминает падающие на неё лучи, подобно фотопластинке. Оставалось лишь проявить скрытое изображение. Потому с помощью специально подобранных колебаний эфира можно было вызывать следы давно минувших исторических событий.

Мир развивался по спирали, приобретая новые знания, теряя старые. Но сейчас, в Эпоху Рассвета, начинал собирать осколки Единой науки о мироздании. Могло показаться, что в витках этой спирали терялось что-то важное. Сколько возможностей было упущено! Но эволюция неуклонно шла в одном направлении — всякое знание давало опыт, терпение, и плоды труда откладывались в бессмертной памяти человека, в хрониках человечества.

В благоприятной психологической обстановке и чистой природе совершенствовались и генотип, и цивилизация.

«В нашем обществе ещё есть светотень, но нет мрака,» — подумал исследователь. Он с теплотой вспомнил уроки истории Альмы.

В мягком свете школьной лаборатории она поясняла: мы совершим краткое путешествие в дикие леса, где несут свою нелёгкую службу Ведущие.

Она показала на один из экранов — тот вспыхнул, на стене уже вращался глобус, покрытый световыми узорами.

– Светимость ауры нашей Планеты неравномерна. Часть Планеты до сих пор не заселена.

Глобус поворачивался экваториальной областью. Там в тени мерцали искорки.

– Но есть особые местности, — она протянула руку к области тени, — где люди есть, но аура их тусклее. Их невозможно поместить в высокоэнергетические поселения, где трудимся мы. Они от этого заболеют. Их аура неприспособлена к насыщенности нашей атмосферы, они ещё не готовы к постоянному труду и учёбе. Их энергетические центры почти спят. Эфирный озон для них разрушителен. Он сжигает их тело. Тогда как нам он придаёт энергию.

Рядом с Ведущими только люди низкой светимости. Вот почему эти области Планеты так затемнены. Это острова и критические области планеты. Местные люди называют наших делегатов «отшельниками», и обращаются к ним в случае нужды, не понимая их.

– Раньше планета делилась на страны, где жили люди, говорящие на разных языках. Сейчас слово «страна» имеет смысл территории, местности. Также и «город», «поселение» имели значение больших скоплений людей. Сейчас мы только условно делим Планету на участки, называемые поселениями. Ведь население размещено почти равномерно по поверхности суши. Водные поселения тоже возможны, но не всегда полезны. Деление сейчас просто территориальное, и всё вернулось к исконному пониманию корня «страна» как «сторона света».

Вот здесь, — пульсирующий лучик показал на острова, — людям проще жить, снимать урожай, защищаться от непогоды, и это облегчает им учёбу, работу. Потому в заботе об отстающих товарищах мы предпочитаем размещать такие индивидуальности в тёплые страны или в среду близких им по светимости.

Раньше, в тёмные века, туда ездили на отдых те, кто и так не мог принести настоящую пользу людям. Они празднично проводили время, либо работали на себя, но им удавалось получить несравненно больше, чем бескорыстным работникам на благо общества. Такова была система, денежная система. Воспользовавшись ею, многие занялись вредной деятельностью, предавались страстям и порокам. И теперь они вынуждены остаться там, куда так стремились. Сами они привязали себя к этой земле и будут там, пока не заслужили ответственной работы на благо цивилизации.

Правда, последнее время из-за смещения оси климат в их жарких странах меняется. У нас давно теплее, чем на бывшем экваторе. К тому же, нам теперь не мешает никакой климат, ибо тела наши стали приспособлены к стихийным силам. Те, у кого психические силы спят, вынуждены согреваться и питаться, искать убежищ и опасаться диких зверей. Помогая им, там живут наши собратья. Они поднимают светимость страны. Но им самим приходится нелегко в тяжких условиях, в одиночестве, вдали от тех, кто им близок по духу. Среди непонимания и болезней. Конечно, они могут исцелить любую боль прикосновением, но число душевно страждущих велико.

***

С видимым облегчением Гермес оторвался от поверхности шара и рукой погасил его мерцающие картины.

Интеллект библиотеки направит поток данных в Тибетскую лабораторию. Товарищи найдут нужные сведения в архивах.

Прощавшись с интеллектом станции, учёный в задумчивости присел у овального окна. Он решил подождать Эола здесь, в библиотеке.

Симфония Сфер

В глубине зала раздались шаги, приглушенные звукоизоляцией.

– Гермес! — возглас спешно поднявшегося человека прервал размышления учёного.

В зал вошёл высокий грациозный человек в развевающихся одеждах, и стремительной походкой Эол, очевидно, это был он, приблизился к рядам кресел. «Творец» — про себя отметил утончённую красоту вошедшего исследователь. Мягкая сиреневая аура Эола затопила пространство библиотеки. Ощущения аур были наиболее заметны при первом касании. Тогда легче всего было проникнуться сущностью собеседника. «Ко всему привыкаешь, и важно удержать в памяти первое впечатление, оно самое верное», — подумал Гермес.

— Эол! — Гермес привстал с кресла, откладывая распечатку хроник на перманентной бумаге³⁶, — здравствуйте!

– Приветствую Вас, коллега, в нашей обители.

– Как ваши исторические занятия? Как творчество? — спросил Гермес, — он знал об увлечении Эола.

– Спасибо, история Древних Цивилизаций — вот что меня привлекает. Не только история Древней Греции, которой я занят сейчас. Чуть позже я хотел бы вплотную заняться историей ранней Атлантиды. А с музыкой я не расстаюсь.

– О, я с удовольствием буду знакомиться с новыми результатами.

Эол кивнул, и шапка волнистых волос художника качнулась.

³⁶ Перманентная бумага, ксилобумага – эфирномодифицированная бумага, либо альтернативный искусственно полученный сверхпрочный материал, на листах которого надписи могли сохраняться в любых условиях в течение миллионов лет.

— Сегодня у нас была репетиция, — Эол помолчал, — печальные новости, Гермес, — он посмотрел на него глубоким взглядом чёрных выразительных глаз, — три дня назад учитель Сотис погиб в экспедиции.

— Сотис?! Как это могло произойти? — Гермес пытался искать ответ внутри себя.

Эол подошёл к столику и взял лежавший там продолговатый золотой цилиндр. Металл быстро потеплел в его руке и начал излучать мерцание.

Обернувшись к Гермесу, он задумчиво продолжал.

— Сотис — один их старейших преподавателей, ему в начале года исполнилось 211 лет. Накануне он попросил Совет Планеты позволить ему принять участие в межзвёздной археологической группе. Планировалась Экспедиция на Альгамбру — дальний планетоид в направлении системы Веги, где только что были найдены фрагменты строений. Название созвучно старым испанским воплощениям Сотиса. Он попросил Совет Двадцатичетырёх: хотел снова «соприкоснуться с вечным Космосом».

Эол указал цилиндром на ближайшее ажурное окно, и там занавесью затрепетали лёгкие вибрации. Цилиндр невидимым лучом осветил прозрачные краски, и развернулась картина с залом Планетарного Совета. Шум моря полился от окна, сквозь ажурную арку совета стало видно свечение облаков, спокойно летящих над Тихим океаном. Центральное отверстие в потолке гигантского зала открывалось в яркий голубой небосвод. Было слышно, как шуршали в прибое камни побережья.

— Да, я тоже был там во время принятия решения... — воспоминания Эола начали оживать в воздухе под лучом ручного прожектора.

Гермес увидел на изображении группу людей. Седовласый старик, расправив мощные плечи, торжественно и спокойно смотрел в ту сторону, откуда доносился плеск волн. Когда он обернулся, Гермес узнал своего наставника, Сотиса. «Спасибо!» — раздалось в атмосфере библиотеки, Сотис смотрел на черноволосого мужчину с восточным разрезом глаз — тот встал из-за матового стола и встретил улыбающийся взгляд старика. Тихо кивнув, Геон поднял руку в знак прощания.

— Удачи! — отозвались хором голоса Совета.

Учитель Сотис улыбнулся, и, развернувшись, его фигура стала удаляться. Шаги мягко отозвались под куполом. Промелькнула радуга в каплях волн.

Эол опустил цилиндр. Сквозь прозрачную картинку немедленно проступили зелёные кроны кедров на краю поляны.

— Теперь я понимаю, о чём думал Геон, долго смотря ему вслед. Другие члены Совета ничем не выдали беспокойства. Или ничего не заметили? Эол подошёл к окну и повернулся к Гермесу.

— Мне кажется, Сотис знал, что произойдёт. Я видел его перед отлётом, он был бодр и передавал привет тебе, как будто зная, что вы больше не увидите.

— Мне? — удивился Гермес, — как странно, я только недавно вспоминал о нём.

— И, наверное, не случайно, — отозвался художник. — Припомни свои последние видения, ты что-то заметил?

— Мне снилось море. Тёплое, густое, в багровых лучах заката какой-то планеты. Как шоколад или...

— Раскалённая лава!? — удивлённо воскликнул Эол.

— Не может быть, — прошептал Гермес.

— Экспедиция направилась сразу же к поверхности и заметила на краю действующего вулкана странную архитектуру.

Эол указал цилиндром вверх. Большой зал библиотеки наполнился световыми образами — они вспыхнули в приглушённом свете очень отчётливо, скрываясь только под бархатным потолком. Далёкая белоснежная пустыня кварцевого песка под зеленоватым солнцем раскинулась под ногами. Песок искрился жёлтыми вспышками. Поверхность быстро приближалась навстречу наблюдателям. Присыпанный до самого жерла, зиял чернотой провал вулканической воронки. Совсем рядом из песка возвышалось ступенчатое красноватое строение. Образ его оказался совсем близко. Рядом с пирамидой и на её ступенях шли раскопки.

— Часть контейнеров уже была упакована, погрузка шла полным ходом, пока двигатель был на ремонте.

Сотис работал на поверхности, подавая хрупкие ящики и распоряжаясь об их отправке. Вулкан грозил пробудиться. Лёгкие скафандры биологической защиты не могли долго выдерживать жара пламени, если бы вулкан начал свои сюрпризы. Времени и аппаратуры для погашения недр не было, ведь место было замечено случайно. Но спасательные средства стояли рядом.

Когда начался обвал, никто не ожидал его. Корабль начал крениться. Забрасывая последние ящики, Сотис командовал взять скутеры³⁷, — и вовремя, — открывшаяся воронка едва не поглотила исследователей. Лава хлынула боковым каналом. Когда корабль попал в провал, никто из облетающих его не заметил в дыму Сотиса. Если бы лава попала внутрь открытого шлюза, вряд ли они могли бы спастись. На запуск установки корабля требовалось пару секунд. Но за это время в дыму никто не успел ничего предпринять. Корабль внезапно поднялся из пропасти сам собой, выровнялся, и оставшиеся быстро скользнули в шлюз. Внизу поток расплавленной породы и дым накрывал площадку с остатками контейнеров.

Наконец, луч корабля осветил что-то внизу. Капитан уже заметил, что корабль поднялся не сам собой. В последнюю секунду какая-то сила вытянула его из пропасти. Сотис пропал. Когда удалось силовым лучом аккуратно расколоть застывший базальт, мы увидели мирно сидящего Учителя, улыбка играла на его лице, он был холоден. Как будто лава не коснулась его. Но скафандр сгорел, обуглилась на плечах и на груди лёгкая белая туника. Вокруг него распространялось едва заметное ровное сияние.

Последнее время Учитель проявлял необычные силы. Но мало кто знал, на что он способен. Применяв всю свою энергию, он вошёл в каменно-неподвижное состояние, поднял корабль в сосредоточении, преодолев гравитационное притяжение силой воли. Огонь не коснулся его. Но плоть не выдержала силы вибраций.

— Что сказали врачи? — переспросил Гермес.

— Следов соединительной серебряной нити³⁸ нет... — он не вернётся, — пояснил музыкант грустно.

— Кремация пройдет завтра. Аякс видел Сотиса накануне. Учитель пришёл из Тонкого Мира передать, чтобы никто не беспокоился, решение было добровольным. Сотис уйдёт на Юпитер. Он давно мечтал продолжить работать там на соединение наших миров, используя весь свой опыт. Циала его тоже видела. Он оповестил её в тонком теле.

— А концерт? — не понял Гермес.

— Сотис наказал Аяксу: если Земля пожелает почтить его уход, пусть вместо воспоминаний будет прекрасная музыка и звучание Сфер. Музыка очистит атмосферу.

Гермес молча смотрел на закатное небо.

— Спасибо, Эол. Речи в наше время не бывают длинными. Но музыка — это лучшее решение. Узнаю Сотиса...

— Завтра на планете много где можно будет услышать хоровое пение, и небольшие коллективы исполнят лучшие произведения.

— Пройдём, уже поздно, Гермес, — Эол кивнул в сторону окна и направился вниз по лестнице запасного выхода. — В той стороне леса мой дом, — пояснил он, — приглашаю тебя в гости.

***

Утром, проснувшись у гостеприимного Эола, Гермес сразу вспомнил о предстоящем концерте.

Эол также встал, горизонт уже затеплел. Оранжевая заря раскинулась над бесконечными хвойными горизонтами.

В посёлке загорались огни. Изредка с мягким шипением разрядов пролетали сферические аппараты.

Товарищи поднялись на покрытый цветами пригорок. Эол рассказывал:

— Вчера мы установили эфирные резонаторы. Звук должен достигать отдалённых зрительских мест, даже в ближайшем лесу. Незримым куполом будет раскинута лучи, создающие продолженную вибрацию. Вот здесь и там будут располагаться музыканты. Видишь эти сферические прожекторы — они дадут эфирную подсветку. Сгущение эфира около инструментов позволит передать самые тонкие движения струн. Звуки будут усилены многократно металлическими сплавами платформы. А купол и лучи резонатора разнесут звук по окрестностям. Будут участвовать струнные, духовые и хрусталь. Одно из моих сочинений тоже прозвучит вступлением. Завершим хоровым пением. Сольные выступления в программе тоже не забудем. Как тебе мой режиссёрский план?

— Наверное, Сотису бы понравилось. Я очень рад.

— Начинаем, как только взойдет Солнце, затем будет небольшая пауза, и позже ещё два отделения.

— Вот и участники!

Музыканты поклонились им, проходя по поляне. Несколько гостей приветствовали Гермеса. Эол отлучился и начал работать с оркестром.

Подошёл мальчик.

---

³⁷ Скутер, глайдер — разновидности летающих платформ.

³⁸ Нить, соединяющая тонкое (астральное) тело с физическим. При разрыве нити смерть считается удостоверенной.

– Здравствуйте! — услышал Гермес.
– Приветствую! Кто ты, юный друг?
– Я Эон, я узнал вас, ваш сын Уран учился с нами — наша Школа расположена недалеко, — он взглянул в сторону темнеющего леса.

– Ты тоже пришёл на концерт?

– Да, я хорошо знал Сотиса. Мне хочется побыть здесь...

Гермес задумался.

– Правильнее было сказать «знаю Сотиса», ведь только вчера Учитель возвращался. Именно он подал идею и является настоящим организатором этого концерта.

– Это здорово! Он говорил мне, что уйдёт на Юпитер. Я тоже надеюсь скоро встретить его в своих путешествиях по Тонкому Миру. А уже сейчас могу встретиться с его душой прямо здесь...

– Да, классика — струнные и духовые, кристаллы и пение будет прекрасно.

– Это развеет мои грустные мысли — вчера Ария показывала историю технологического рывка, электронная музыка звучала лишь несколько минут, но её тяжёлые ритмы, визжание струн, глухие удары, завывание оставили самые мрачные впечатления. Там было много людей в душном помещении. В ужасной тесноте и скученности их ауры бешено пересекались, быстрые световые конусы и лазерные лучи двигались, люди мерцали, как сферы ада в красной ауре. Это оставило тяжёлые впечатления. Альма показала интересные электронные мелодии, но они были испорчены назойливыми жёсткими ударами барабанов...

– Ты прав, электронная музыка, к тому же, не могла нести живой энергии струны. Искусственные колебания не понесут звук на крыльях материи эфира. Струна... — Гермес не договорил.

Словно отвечая ему, воздух пришёл в движение и задышал. Из каждой точки пространства одновременно раздалось звучание. Оно было тихим, но вибрации сразу наполнили тело силой. Звук плыл в атмосфере. Гермесу показалось, будто малые живые существа, звуча, стали носиться в воздухе над головами и меж людей, разнося источники звука как сеятель — зёрна.

Воздух напрягся, когда эфирные проекторы накрыли резонирующим куполом весь лес и площадку. За пределами лучей звук распространялся по обычным законам. Но внутри он жил своей жизнью.

Когда музыканты тронули струны, эфир около них стал дрожать, будто воздух в знойный день, потоки и волны трепетом пошли по залу, разнося тончайшие оттенки движения струн, их колебания пели при малом касании к древнему инструменту. Струны из модифицированного металла вибрировали и порождали вихри эфира. В лучах прожекторов эфира они начали окрашиваться цветными огнями. Зарницы вспыхивали над музыкантами красным, рубиновым цветами. Как только раздался звук трубы, купол внезапно прорезали лучи фиолетового и жёлтого сияния. Вихри струн перемещались между цветными сполохами и лучами духовых инструментов. Волны, сверкающие маленькими кристалликами эфира, стали рождаться при первых хрустальных звуках китайского ксилофона. Звуки и их кристаллы поплыли на фоне вечернего неба.

Музыкальная картина приобретала тона основного лада. Это была глубокая синева, переходящая в фиолетовый и ультрафиолетовый оттенки, доступные глазу многих посетителей. Гармония звучала в Фа мажоре (F-Dur).

Картина стала напоминать исследователю Тонкий мир Юпитера. Когда Гермес очнулся от своих размышлений на тему космической симфонии, он заметил, что знакомые ему образы сменились зарницами хора. Световые волны плавно отделялись от сцены, как будто невидимое Солнце роняло во все стороны ослепительные лучи жёлтого и нежного голубого сияния. Ауры людей пульсировали, и, касаясь друг друга, порождали новые оттенки, созвучные образовавшейся вокруг них звуковой палитре.

Несколько раз хор чередовался с исполнением на лютне.

Следом зазвучала сама тишина, всегда окружавшая человека. Её тон стал постепенно угадываться как напряжённое звучание аккорда. В ней оформилась и окрепла тихая мелодия, манящая в открывшуюся бездну живописного ночного неба. Купол угас. Звёзды мерцали, как острия невидимого кристального купола. Отзвучавшая музыка звала разобраться в себе, в глубине своего сердца. Это и было высшим назначением музыки: передать и чувство, и смысл.

Пролетающие сейчас над планетой могли бы увидеть, как гигантский купол посреди равнины, будто капля воды, наполнился и переливался зарницами фиолетового, жёлтого или рубинового оттенка. Световые волны вспыхнули несколько раз, затихая.

На ночном небе проявился Орион с неяркой туманностью посередине. Млечный путь по-прежнему освещал небо, словно напоминая людям о дальней дороге в будущее, им предстоявшей.

Наполненные впечатлениями зрители молча стояли на поляне. Их светлый заряд уходил в Огненные сферы, где восходил сегодня к новым мирам их соратник.

Простившись со своим юным знакомым, Гермес отправился на поиски Эола.

Инфракрасная башня

На рассвете они с историком ещё раз посетили библиотеку, где Гермес посвятил Эола в свои открытия. Вскоре Гермес поспешил проститься с работниками библиотеки и собрался в дорогу.

– Ты найдёшь Школу к востоку отсюда. Ария, наставница молодых, тебя встретит. Я предупрежу её. Кстати, если немного свернёшь по дуге к северу, по пути можешь обнаружить примечательную технологическую лабораторию. Обрати внимание.

***

Следуя совету Эола, Гермес издали заметил высокий столб воздушных колебаний. Видимо, в городе располагались экспериментальные производственные области. Вибрировал не только воздух, но и эфир — это было заметно наблюдателю будущего, обладающему расширенным восприятием. Невидимая в обычном свете инфракрасная башня служила для опытов по высокому нагреву и эфирной модификации материалов. Межатомное расстояние в материале было настолько большое, что спектр отражённого света сдвинулся далеко в инфракрасную сторону. Башня практически не отражала видимого света и не поглощала его.

Гермес решил пролететь рядом и посмотреть ближе. Только слабо светящееся в утреннем свете ограждение напоминало о вездущихся здесь работах. Гермес снизился.

Неподалёку он увидел припаркованный аппарат шаровидной формы, отливавший сочным золотом в лучах восходящего солнца. Рядом было несколько человек. Один из них повернулся и посмотрел в сторону снижавшегося Гермеса. Фигура его была знакомой. Высокий человек на поляне всматривался, густая шапка его чёрных волос выглядела львиной гривой, развеваясь на ветру. Гермес соскочил с аппарата, приземляясь. Платформа упруго спланировала за ним на землю, скользя по воздуху как сухой лист. Прошелестев где-то сзади, она ткнулась в траву.

– Гермес!

– Мир! Здравствуй! Не ожидал тебя здесь встретить!

Старый знакомый Гермеса, Мир, был известным исследователем материи, его разработки в области материалов пользовались успехом.

– Да и я, признаться. Ты на отдыхе?

– Не совсем, у меня всегда найдётся полезное дело, — улыбнулся Гермес, — скучать не приходится. Сейчас ищу исторические сведения о падении метеоритов в этом районе. А ты? Вижу, вы что-то здесь затеяли.

– Да, мы собираемся провести эфирную плавку. А поиски метеорита, наверное, связаны с твоим новым исследованием, Силоамом? — догадался Мир. — Так его называют? Слышал о тебе в новостях. Могу я чем-то помочь?

– Верно, хотя название переведено с неизвестного языка земными звуками. Надеюсь, ты сможешь помочь. А в чём состоит ваш опыт?

– Мы готовим новую эфирную модификацию сплава циркония с редкоземельными элементами. Это сверхпрочный сплав, он позволит сделать ни много ни мало – новый шаг в исследовании солнечной системы. Гермес, я так рад видеть тебя! Осмотрись пока, а я пока отдам последние распоряжения.

В воздухе было мягкое шипение. В скафандрах эфирной защиты, в мареве рядом с башней можно было разглядеть несколько фигурок людей. Некоторые расположились на её конструкции, другие стояли чуть поодаль, у подножия башни-призрака. В руках у них были длинные, похожие на копыя датчики эфира, зонды. Фигуры, в зеркальных щитах которых отражалось раскалённое добела строение, в эфирном зрении казались полупрозрачными рыцарями, сражающимися с гигантской ветряной мельницей. Ажурная башня не имела крыльев, но она распространяла жёлтые лучи, столь похожие на крылья ветряка. Её металлоконструкция роняла струи раскалённого воздуха, оседающие на землю.

Эфирные металлы, получаемые в этих печах, могли выдерживать нагревы на поверхности солнечной фотосферы. Автономные исследовательские корабли пытались погружаться в глубины звезды.

К сожалению, длительные погружения и более глубокие слои светила оставались недоступными. Под воздействием давления и температуры солнечного океана металлы претерпевали фазовое превращение, и аппараты стогали, раздавленные в его глубинах, совсем как древние батискафы и подводные лодки в недрах морей.

Возможно, здесь нужна была модификация более глубоких уровней организации материи или использование полностью эфирных аппаратов.

Напряжение в башне ощутимо возрастало. Прорвалось несколько ярких оранжевых лучиков, и несколько человек в скафандрах, с «копьями» зондов наперевес поспешило к другой стороне башни.

- Это не опасно?
- Нет, только эфирная активность.

Раздался глухой шум, почва слегка вздрогнула. Постепенно вибрация пришла в норму.

– Неравномерность подачи материала. Трудно контролировать поток эфира, — пояснил Мир. — Наши металлы и эфирные сплавы используются в новых кораблях, если ты заметил.

Идея использования эфирных аппаратов пришла давно. Но только сейчас многие виды техники землян стали невидимы обычному зрению. Наконечники эфирных зондов имели сформированную эфирную оболочку и иглы, продолжаясь в эфирную область. Некоторые аппараты целиком создавались из эфирных атомов, потому для манипуляции ими требовались посредники в виде инструментов разной степени плотности эфирно-модифицированных атомов. Этот процесс назывался трансмутацией. Подобно алхимическому процессу древности атом претерпевал внутреннее преобразование и становился объектом с переменными свойствами. Достаточно было поместить его в подходящие условия, создав поле, и он становился источником разнообразных сил. Интересно, что в обычном состоянии он был неотличим по своим химическим и физическим свойствам. Попади такой металл в руки неподготовленной цивилизации, он разве что давал бы необычный спектр при рентгенографическом анализе.

Не нагревая металл физически, эфирная плавка позволяла скрепить его так, что он не распался при самых сильных физических воздействиях, не окислялся и не растворялся в агрессивных средах. Даже фтор³⁹, самый активный элемент, и знаменитая «царская водка»⁴⁰ не могли повредить ему. Металл мог быть инертным, поскольку внешним химическим соединениям препятствовали ещё большие эфирные силы, пробуждённые в материи атомов. Они и скрепляли между собой материал, не давая распасться.

В инфракрасной башне материал оставался почти холодным, плавилась эфирная его составляющая. Только многослойная защита нейтральных полей не позволяла страшной силе прорваться за пределы башни.

- Почему нельзя было разместить её под землей? — кивнул Гермес на возвышающуюся металлическую громаду.
- Лаборатория находится внизу, — заметил Мир, — а это только приёмный аппарат. Кстати, сейчас идёт подготовительный этап опыта. Скоро мы сможем улучшить наши эфирные материалы.
- И эфирные корабли?
- Да! — шум ослабел, башня с людьми продолжала свою работу как призрак иного измерения, странное видение, в почти полной тишине.

К сожалению, на эфирном летательном аппарате нельзя совершить путешествие, ведь материальное тело тяжело по своей природе и могло пройти сквозь такой «аппарат», даже не заметив его существования. Он был совершенно невидим. Здание башни перед ними, погружённое в невидимые лучи, лишь имело иную отражающую способность, но было вполне весомым.

Но эфирные разведчики являлись совершенными инструментами — они могли перемещаться с огромной скоростью, проникать в недоступные области звёзд и приносить пробы, фото- и видеоматериалы. Конечно, нужны были и приборы на борту, и видеоплёнки также состояли из рода эфира. В случае необходимости материалы было несложно перенести в видимый диапазон. Многие учёные уже обладали эфирным зрением, позволявшим непосредственно наблюдать эти слои Тонкого мира, но для науки важно было сохранить объективность. Ведь даже физическое зрение индивидуально, тогда как тонкое обладает ещё более развитыми особенностями, раз оно зависит от состояния сознания и его качеств.

«Это напоминает состояние развоплощённого человека: он также видит гораздо лучше то, к чему привык — и Гермес вспомнил своё недавнее рассуждение: видим, что желаем увидеть...»

Раньше Тонкий мир наблюдался только редкими индивидами, и впечатления были столь разнообразны, что их, казалось, было невозможно привести в систему... Там, в Ноосфере, было всё: и рай, и ад, лаборатории и цветущие сады, бредущие в растерянности толпы мегаполиса и чудовища, образы будущего и картинные галереи. Всё смешалось... Но была и определённая система! Взаимное притяжение родственных элементов порождало слои и области Тонкого мира. Плотные составляющие эфира оседали внизу, а лёгкие всплывали, и эта «радуга» продолжалась до верхних пределов стратосферы и даже выше, до границ магнитосферы Земли. Потому каждый слой Тонкого мира отличался своей светимостью.

В космической высоте островок этого мира переходил в единый океан, в который погружена Солнечная система.

---

³⁹ В переводе с греческого «фтор» означает «разрушающий всё». Активно взаимодействует почти со всеми веществами. В атмосфере фтора горят даже вода и платина.

⁴⁰ Смесь концентрированных кислот: азотной, соляной 1:3, растворяет большинство металлов.

Эта Ноосфера соединяла планеты нашей Системы. По ней можно было совершать путешествия в ментальном теле между островками планетных оболочек. Но эти путешествия были нелегки из-за неоднородности космической среды.

Возможно, Гермесу теперь предстоял ещё более дальний путь — на удалённое тело Силоам.

Небо затянулось облаками. Издали донёсся раскат грома.

Гермес нахмурился и в задумчивости посмотрел ввысь, поднося руку к лицу.

– Наш аппарат притягивает электрические явления — к сожалению, это пока неустранимо.

– Молния может ударить в башню?

– Да, для этого она отчасти и предназначена, как аккумулятор пространственного электричества, — улыбнулся Мир, тоже посмотрев на чернеющее небо. — Но опасности нет. Гроза уже не успеет собраться! Он посмотрел на мигавший цилиндр в его руке. — Опыт уже заканчиваем. — Он сделал знак работникам на башне.

– В этом месте давно нет обитателей, город расформирован много столетий назад. Только несколько лабораторий, изучающих электромагнитные явления в связи с воздействием на Тонкий мир низин. Мы сотрудничаем. Они предупреждены о начале опыта и уже, наверное, собирают данные о пролёте первых молний в атмосфере. Их корабли, — он указал на неясные световые вспышки в небе над лесом, — собирают наблюдения на высотах.

Падали первые мелкие капли. Молния ударила в световое пятно в небе, порыв ветра принёс отдалённое шипение, и светящийся шар, размером с крупный апельсин, стал планировать на поляну рядом с башней. Световой луч из глубины неба высветил его, и шар полетел вверх.

– Элементал⁴¹. Шаровая молния, — комментировал Мир, — это от близости башни. Теперь его несложно получить. Вреда он не причинит, Край забирает их для наблюдения. — Он показал в сторону улетающего аппарата округлой формы.

Тучи медленно рассеивались. Воздух заметно посвежел. В порывах ветра пахло озоном и молодой хвоей.

– Прошу в аппарат, — Мир подвёл Гермеса к своему служебному кораблю, и они прошли внутрь модуля.

Летающим кораблям с эфирной модификацией корпуса двигатель уже был не нужен. Но он иногда дублировался генераторами эфира. Корпус представлял собой эфирный кристалл, создающий эфирную тягу при приложении силовых полей. Центральный пульт, подобно стволу дерева, пускающему корни в корпус аппарата, служил для доставки сигналов в недра кристалла. Пульт улавливал психические импульсы пилота, настроенного на него, и передавал усиленные сигналы модифицированному металлу корпуса, части которого изменяли эфирную тягу, перемещая аппарат в нужном направлении.

Пилот Гир стоял, выпрямившись во весь рост жителей Земли, посреди сферического зала, положив руки на пульт. Колебания мысли пилота улавливались чувствительными кристаллами при наложении рук на центральную часть грибовидной колонны пульта, покрытой специальным мягким металлом.

«Когда-то люди были значительно ниже ростом. Гир едва не достигает потолка зала», — отметил про себя Гермес. С давних пор рост людей значительно увеличился. Это было заметно по рослой и атлетической фигуре пилота.

Гир, оглянувшись вполоборота и приветствуя их на ходу, манипулировал у пульта.

Улыбаясь, очевидно, мечтая о чём-то приятном, капитан уверенным движением руки направил аппарат вперёд и в небо. Машина плавно колыхнулась, как будто раздумывая, и инерция ускорения начала ощущаться пассажирами. Зал с вошедшими Гермесом и Миром слегка наклонился.

Они поспешили к овальным серебристым креслам на периферии зала. Но, пилот уже включил модификацию. Эфир, заполняющий корпус судна, напрягся магнитным полем и стал единым целым с корпусом, пассажирами и внутренним пространством. Теперь перегрузки и качка стали невозможны. Инерция отпустила. Обитатели корабля были будто «вморожены» в эфир и атомы их до известной степени модифицировались. Но к этому их тела были привычны. Тот же самый процесс, только гораздо более мощный, они проходили при активации собственных психических центров сознания — чакр. Конечно, для жителя старого мира обычный полёт на таком аппарате мог бы привести к сложным изменениям в его организме.

---

⁴¹ Полуразумное существо, проходящее низшую стадию эволюции в стихиях.

Простившись с пилотом, Гермес устремился на своём глайдере прямо в открытый люк аппарата, в неизвестность. Чистый воздух встретил его напором, он включил лёгкий силовой купол. Преодолев слой низких облаков, он стал заходить на посадку.

Встреча с Ураном

Гермес снизился над лугом у опушки леса. И сразу же он увидел идущую ему навстречу хрупкую фигурку Урана. «Откуда столько энергии в человеческом существе?» — подумал Гермес... — Человек будто столб пламени, протянувшийся от земли в небо, гибкая молния, воплощённая в зримое тело». «Каким образом эта тоненькая фигурка вмещает в себе таинственные силу и ум? Активную деятельность в случае необходимости?» — подумал Гермес, созерцая лиловую ауру Урана. «Источник электричества поддерживает существование тела, разрозненные клетки. Их объединяет лишь фокус сознания, — наверное, тот символ, что рисовали как крылатый диск⁴² древние египтяне и шумеры...»

В одном из прежних воплощений его сын с помощью вибрационной математики исследовал истоки сознания. Сейчас спиральная динамика, кохлеарное⁴³ исчисление, как называли его когда-то, не только позволяет совершенствовать нейронные сети, но и связывает все разрозненные научные области.

Наблюдая за своим сыном, Гермес сравнивал прогресс за последние несколько тысяч лет: эволюция шла путём увеличения энергии сознания, и, как следствие, независимости сознания от окружающей среды.

Развиваясь, организм отрывался будто плод от дерева, от субстрата, от материнского организма. И чем активнее становилось сознание, тем больше ускорялся процесс.

Вначале тяжело подымаясь из глубин недр, жизнь, а скорее — ещё дремавшая материя, выходила на поверхность с потоками магмы. Она дробилась и измельчалась в стихиях вод и ветров, кристаллизуясь и откалываясь, отпочковываясь в кремниевых организмах. Солнце нагревало и охлаждало её ритмично, тем самым пробуждая скрытые ритмы электромагнитных напряжений. Медленной поступью распространялась жизнь минералов по лику Земли. Они впитывали воду, заключали её в свои объятия, насыщаясь самой подвижной стихией, которую только могли вместить. И дали начало витку растений.

От простейших прионов⁴⁴ до вирусов и микроорганизмов атомы перешли в систему цветов и деревьев.

Семена жизни растительного царства вышли из почвы на свет и могли дышать атмосферными газами. Они уже не состояли целиком из грубой и тяжёлой материи, кристаллов и металлов. Состав их обогатился лёгкими элементами периодической системы химических элементов. Они могли реагировать на воздействия окружающей среды, температуры, складывать листья, изменять метаболизм. Они даже тянулись к Солнцу, впитывая электромагнитные силы. И охотились на мелких насекомых.

Животное царство совершило гигантский скачок, оно не только собрало в себе капли первичного океана, растворяя и разнося по организму питательные вещества, но и заключило минералы внутри себя в форме скелета и тканей. Теперь животные были не так зависимы от среды. Они использовали лёгкие элементы и газы для облегчения веса организма и увеличения подвижности. Чувствительность их возросла многократно. Утерев твёрдость минералов, они не потеряли жизнеспособности. Наоборот, оторвавшись от почвы, они обрели независимость и от многочисленных превратностей судьбы, ожидающей растения и камни, вынужденные оставаться и умирать при недостатке влаги в почве или разрушительных воздействиях.

И лишь человек длительное время не находил в себе преимущества новой ступени своей эволюции. Он приравнял себя к животным. Мозг его был аккумулятором электрических явлений. Электрические импульсы и свет, распространяясь по нервам и акупунктурным каналам организма, формировали электромагнитные нейронные сети, представляли зачаток новой, электрической формы жизни. Именно она открывала новую ступень подвижности. Человек силой своего разума стал независим от окружающих условий и заселил всю Землю. Он мог погружаться в воды, взлетать в атмосферу и выходить в Космос, окружая себя искусственными защитными оболочками. Но дальнейшее развитие внутренних психо-электрических сил отрывало человека от поверхности планеты без посредства аппаратов.

— Эту простейшую закономерность жители эпохи технологического рывка не могли себе вообразить! — рассказывал Гермес когда-то своему сыну. Между тем, разум — электрический архитектор организма — создавал необходимые аппараты внутри своей оболочки, и тело преодолеvalo условия жары и холода, сна или пищи. Приходило время, и аппараты начинали действовать в людях. Не сразу, но постепенно.

То, что только под гипнозом мог творить человек прошлого, стало нормой для организма. Сознание преобразовало свою оболочку.

---

⁴² Древний мифологический символ.

⁴³ От греч. слова «спиральный».

⁴⁴ Довирусная форма жизни, белки, обладающие, в частности, свойствами инициировать своё размножение внутри клетки.

Выживало сильнейшее. Но сила мускулов животных уступила силе разума. Далее не техника, но сила воли и разум побеждали в сражениях. Но оправдывал Homo Sapiens своё гордое название только тогда, когда обращался к силе мудрости. Интеллект мог погубить себя, служа личной выгоде и жарким страстям. Он был не чужд противоречий, потому что сама логика заключалась в противопоставлениях «да и нет». Разумное начало не являлось только логическим началом. Но интуиция вбирала в себя коллективную мудрость и не служила эгоистичным мотивам. Она не делила на внутреннее и внешнее, личное и общее, она вела к единству, и могла спасти цивилизацию от саморазрушения.

Развитие интуиции и философские беседы являлись основой развития цивилизации — следующей её ступени. Потому в семье Гермес всегда находил время для вечерней беседы.

— Этот виток эволюции необъятен настолько, что потребует миллионы лет развития! — сделал вывод отец.

— Когда-то закон развития заметили лишь отчасти: индивидуальное развитие напоминает развитие вида⁴⁵. Но Космос един в своих закономерностях. Начиная от атома и до лучистого человечества, предсказанного могучими мыслителями, закон должен сохранять свою форму.

Насколько приблизилось человечество к стадии чистой энергии можно было постепенно замечать. Химический состав организма теперь становился легче — в нём стали больше находить литий. Этот лёгкий металл разрежал оболочку. Зависимость от атмосферного кислорода снижалась. Многие прежде необходимые вещества становились только микроэлементными добавками к пище. Сама пища стала легче: соки, травы, фрукты и крупы составляли основной рацион. Широко использовались мёд и молоко. Но мясная пища была признана недопустимой: она сокращала жизнь и засоряла не только организм, но и энергетическое тело.

Эволюция приводила к раннему пробуждению общественной активности детей. Ведь образование младенцев начиналось ещё до рождения, когда организм и окружающая природа, яркие мысли, воспринимаемые душой рождающегося ребёнка пробуждали и поддерживали память духа. Накопления многих жизней рождались вместе с маленьким человеком. И к трём годам дети включались в занятия взрослых. Они могли принести свежий взгляд в исследования. А человечеству надо было спешить, навёрстывая упущенное ранее.

Было много способов направить активность детей в полезное русло. Они могли заниматься тем, что им нравилось, даже наукой и искусством буквально после рождения, благодаря технике усиления мыслительных волн. Целостное представление о природе позволяло даже в школах нулевого цикла⁴⁶ преподавать науку самым простым образом.

Это была наука соответствий самых разных явлений одним и тем же простым вибрационным формулам кохлеарной математики...

— Когда-то наука была уделом специалистов, и обучение законам природы начиналось со второго цикла, по нашим меркам. Но и повзрослев, люди не знали того, что ты узнал вчера, — грустно улыбнулся Гермес, обсуждая уроки синтеза.

***

Гермес шагнул по высокой траве цветущего луга навстречу мальчику.

— Здравствуй! Приветствую тебя, друг мой и сын!

Уран повзрослел, он претерпевал переходный возраст, но сложности мироздания он умел обращать в простое и понятное.

— Здравствуй, отец! — легко улыбнулся Уран.

— Разговаривал с цветами? — Гермес знал, что общение с природой на её языке приносит новые открытия сыну.

С ним отец вновь почувствовал себя свободнее, как будто все сложности путешествия оставались позади. Они понимали друг друга с полуслова.

«Самое прекрасное — это когда тебя понимают. Люди нашего времени не могут представить себе толпы старого времени, не могут представить холода отчуждения, когда на улице, заводя разговор о Боге или о своих духовных открытиях, можно было встретить полное непонимание спешащих в магазины людей. Когда молодёжь собиралась в тёмное время суток не для астрономического опыта или медитации, а за кружкой пива, или лишь для того, чтобы обидеть одинокого путника. Насмешки над мудростью или стремлением были нередки. Это останавливало эволюцию».

Уран мог легко находить общий язык со всеми, хотя в отдалённые эпохи многих его задумок просто никто не понимал.

Вместе с отцом они обсуждали физику эмоций — психоэнергетику астрального мира.

Встречаясь с руководительницей Института Эмоций, своей энергичной знакомой Айкой, Гермес всегда брал с собой сына.

---

⁴⁵ Наблюдение Э. Геккеля, эмпирическое обобщение К. М. Бэра, XIX век: филогенез подобен онтогенезу (индивидуальное развитие повторяет развитие вида) — приближительная закономерность, допускающая вариации принципа.

⁴⁶ Школы нулевого цикла — школы для детей от 3 лет.

Айка была рада участию и водила гостей по весело изгибающимся зелёным коридорам. Неровные стены дугами спиралей вели в холлы лабораторий и просторные залы со сводчатыми потолками. Прозрачные изнутри стены были будто причудливые витражи. Солнце пробивалось жёлто-синими цветами на матовый мраморный пол или ложилось на мягкий ворс ковров. Некоторые опыты требовали глубокой тишины для того, чтобы поразмыслить, но чаще звучала музыка. Её воздействие на природу эмоций могло приоткрыть тайну отражения звука в человеческой психике. Пение птиц, голоса и тембры людей, интонации связывались с информационными и энергетическими превращениями в сознании.

Если звук рождал эмоции, это означало, что эмоции тоже могут звучать. Светлый мажор отличался резонансными спектрами от печального минора. Акустика порождала свои вибрации в тонком теле человека.

Родство энергетических систем позволяло делать новые открытия в сознании и природе. Уран с интересом принимал участие в обсуждении.

В беседах поколений зарождались новые зёрна понимания Природы. Оставалось лишь тщательно сформулировать их.

«Главное — избежать насмешек.» — понимали все. Современная наука научилась вносить ясность в психологию и философию. Благодаря понятному единству Космоса наука, психология, философия и творчество стали одним.

Гермес чувствовал, что Уран уже понимает важные вопросы. Процессы в сознании напоминают обычные природные явления. Разрушение какого-то величественного образа в сознании, склонном к насмешке, вызывало на себя весь поток неорганизованных частиц, ранее заключённых в прекрасной форме.

— Это явление подобно взрыву урановой бомбы, — подумал руководитель лаборатории. — Насколько же разрушительно должно быть любое кощунство по отношению самых высших понятий... Впрочем, любое умаление образов действует разрушительно. Словно незадачливый мыслитель опрокидывает на себя собранную энергию...

— Но добрый юмор не разрушает накопленных ценностей, — замечала Айка, улыбаясь. — Сравнение малого и большого позволяет выстроить правильную систему ценностей, ведущих к познанию...!»

— Что будет, если проследить эти процессы в обратном порядке, когда малое превращается в нашем восприятии в великое... — что тогда?

— Сознание может оказаться не готово к такой неожиданности... — возникнет удивление и непонимание. Факты не смогут уложиться в новую симметрию. Кристаллу мысли не хватит энергии для формирования.

— Сознание подобно кристаллу! Получается, обратная аналогия тоже верна!

— Верно. Сознание подобно кристаллу из чистой материи мысли. Каждая новая мысль ложится его гранью.

Параллели между видимой природой и внутренним миром человека захватили их. Размышляя, они погружались в исследования, не замечая времени. Все законы мироздания стали на миг ближе, как будто оставалось лишь протянуть руку, чтобы коснуться какой-то неведомой всеобъемлющей Истины... Она не была пугающей, но очень близкой и родной познающим. Близко знакомой духу. И лишь припоминаемой. Конечно, охватить её взглядом было невозможно. Путь, оказавшийся перед ними, на самом деле лишь приоткрывал несколько ступеней в эту бесконечность. Важно было то, что лестница для восхождения найдена.

— У древних шутка, то есть, некое представление, вдруг оказывающееся понятным и простым, называлась «анекдотом», при этом внезапное освобождение запасённой в образах энергии заставляет человека смеяться, — подтвердил отец.

— Но любое понимание вызывает радость творческого мышления, извлекая энергию из сложного, направляя в ясное и простое. В этом радость мыслителя. В этом наслаждение образами красоты, когда мощные энергии удаётся подчинить ритму произведения, простой симметрии.

— Потому издревле искали законы красоты! Да, и золотое сечение, и ритм вносят в музыку и живопись внутреннюю гармонию, на полотне которой можно изобразить любую сложную картину. Без ритма вычурность обратится в безобразие и хаос, — дополнил Уран.

— Верно, если бы мыслители лучше наблюдали природу, то заметили бы, что ни один цветок не желает иметь случайных форм. Малейшее отклонение от строгих законов симметрии в геноме таких мыслителей заставило бы их самих в первую очередь взывать о простоте и едином ритме для всего организма. Страсти требовали отклонений от идеала, казавшегося пресным. Но красота не нуждается в искажениях. Так хаос стал проникать в сознание, и появились болезни. Затем потребовалось их лечить. Порочный круг замыкался. Человек получал то, что искал.

— Чем более сложное укладывается в простые закономерности, тем большую степень радости озарения испытывает человек. Этот закон высвобождения энергии ещё мощнее, чем распад уже созданного. Не случайно в недрах звёзд идёт синтез, а не распад. Мир находится в постоянном стремлении к упрощению, в то же время постоянно привлекая всё новые элементы творчества.

— Муки ожидают тех, кто попытается обобщить всё накопленное и найденное. Для этого потребуется немалый труд, чтобы найти в сложном исконно простое, совершив великий синтез. Но эта радость отблагодарит мыслителя тысячекратно. Труд его не пропадёт, разнесённый мыслеволнами в Космосе. Зёрна мысли найдут пристанище в самых

неожиданных местах. И когда-то путник, сидя в тени выросшего дерева познания, скажет спасибо неведомому мыслителю.

- Так создаётся единство Вселенной, — улыбнувшись, подытожил Гермес.
- Но есть настоящая и вечная загадка — в самом человеке...

***

Гермес легонько обнял сына за плечи. Они помолчали немного. После долгой разлуки, общение лучше шло безмолвно, пока само не отыщется нужное слово.

- О чём мыслишь? Как твоя учёба? — Гермес ждал, чтобы сын сам поведал, о том, что его волнует.
- Думаю, что имеет смысл братья за нерешённое никем, самое трудное, — Уран посмотрел на него, и в его взгляде Гермес заметил на миг неземной огонь стремления, который позволял решать проблему, становясь выше неё. Этот огонь свойственен всем развитым цивилизациям иных миров.

– Найти самое трудное, чтобы решить просто, — продолжил он, — думаю над развитой физикой сознания.... Школа второго цикла завершена, скоро буду далеко от этих мест, и, возможно, наведаюсь к маме. Теперь могу избрать эту тему для изучения в Дальних Мирах, в Школе третьего цикла.

Ещё очень много белых пятен: например, как воздействует сознание на внешность обитателей, на генотип. Или как устроена материя сознания. Как циклы спиральной математики формируют разумное начало Вселенной.

– Формируется ли разумное начало с началом активности этой части Вселенной, или позже? — дополнил Гермес список вопросов.

– Да, поскольку мир целостен, то может потребоваться анализ всего накопленного знания. Но, может быть, ... начало и исток едины?

– А сможешь ли ты найти приложения таких абстрактных законов в материальном мире? — улыбнулся Гермес. Он знал ответ.

– Конечно. Аналогии пронизывают мироздание. Если удастся открыть закономерности истоков формирования разума, можно будет применить принципы самоорганизации для создания новых сетей искусственного интеллекта, понимания функций организма и даже для создания новых материалов.

– Согласен с твоим выбором. Да и лаборатории нужны несколько свежих идей. Надеюсь, ты встретишься с мамой.

Уран улыбнулся.

– Мне кажется, это она недавно предупредила меня о твоём скором приезде. Мы встречаемся с ней в Тонком мире во время сновидений. Но вчера я услышал её мысль наяву. Голос было невозможно перепутать. И ещё я почувствовал тебя, когда твой аппарат недавно пролетал над Школой. Ведь правда?

– Не сомневался, что моя посылка дойдёт, — подтвердил отец. — Твоя чувствительность тоже развивается. К сожалению, последнее время мне приходилось заниматься иным миром, потом тебе расскажу. И я давно не видел нашу Ариадну, но теперь исследования близятся к концу. Если получится, мы вместе навестим её. Пройдём в сторону Школы, — продолжил Гермес.

– Вон там нас встречает Ария, моя наставница второго цикла по искусству внимания, — Уран посмотрел в сторону холма. Там показалась лёгкая фигурка девушки в зелёном платье.

– Поразительно соответствует её ауре! — удивился Гермес грациозности её движений.

– Что именно – одежда или имя?

– И то и другое напоминает утончённый оттенок её основного луча.

– Здравствуйте, друзья! — улыбнулась подошедшая. Её диадема ярко блеснула изумрудом, оттеняя энергию темперамента ауры. Зелень платья гармонировала с загаром кожи. Глаза её излучали тепло.

Цветники Космоса

Простившись на время с Ураном, Гермес решил навестить Школу. Ария вызвалась быть проводником.

Она повела Гермеса по садовой дорожке к школе.

— Эти цветы были посажены детьми, — пояснила она. — Наши биологические лаборатории сотрудничают со школами», — дополнила Ария.

Путешественник обратил внимание на особый трепет, окружавший один раскидистый и благоухающий цветок. Он, казалось, переливался всеми цветами тонких красок. Струи как бы живого огня покрывали его лепестки, исходя откуда-то из глубины стебля. Гермес остановился и присел у цветка, поражённый.

– Вас заинтересовал этот цветок?

– Да, он, кажется, неземного происхождения.

– Верно! Кстати, когда-то Ариадна сама привозила эти растения с венерианских цветников. Там возникли проблемы с вентиляцией, а как вы знаете, допускать в парник местную агрессивную атмосферу при температуре плавления металлов, да ещё под многократным давлением было просто невозможно! Пришлось эвакуировать на Землю часть образцов.

– Ариадна? Она была здесь?! — оживился Гермес.

– К сожалению, нет, только высылала капсулу с орбиты. Её коллега сообщил, что опыт идёт удачно. Парники на Венере — самое удачное место в Солнечной системе. Автоматический нагрев остаётся только компенсировать, но тепло легко преобразовать в энергию, достаточную и для полива, и обслуживания, и охлаждения. При огромном электрическом насыщении атмосферы Венеры можно легко пополнить обычные аккумуляторы и эфирные станции. Обильный свет и тепло позволяют растить самые прихотливые тропические растения без особых затрат. Сорты получаются уникальные, но это, — она показала на роскошный космический цветок — удачно прижилось.

– Да, и она велела передать привет Вам.

Гермес остановился, в удивлении посмотрев на своего экскурсовода.

– Но откуда она могла знать?

– Что Вы будете здесь через два года? — переспросила, улыбувшись, Ария.

– Да, — справившись с волнением, подтвердил руководитель лаборатории. Впрочем, он, уже удивлялся стремительному повороту событий.

Картинка стройной девушки с загадочным именем Ариадна встала у него перед глазами. Её большие глаза, как будто из глубин прошлых воплощений, смотрели торжественно и тихо. Аура древнего Египта и Греции, Индии и Китая, объединявшая их с женой в прежних воплощениях, на миг воскресла в памяти. Живая вибрация устремилась в пространство как по струне. Мысль полетела туда, где на орбите чужой планеты работала близкая ему душа. Непременно родная услышит его привет.

– Вы знаете ответ лучше меня... — продолжала улыбаться провожатая, — или, может быть, его знает только сама Ариадна? Она — человек тайны, — уже серьёзно и тихо добавила девушка.

– Спасибо за добрую весть, Ария, — кивнул Гермес.

Пока они продолжали путь по школьному парку, Гермес всё время замечал новые растения.

– Вы знаете, что многие образцы земных семян удаётся вырастить на иных планетах. Но даже кратковременное пребывание в иных условиях пробуждает память растений и организмов. В невесомости и условиях искусственной гравитации, а так раньше называли простое применение центрифуги, — добавила она, коротко улыбувшись, — длительное время не получалось снимать урожай. Растения даже не цвели.

Гермес вспомнил, как в высоких слоях иных миров цвели плазменные растения, и даже распускались огненные кусты. Будто прозрачные фонтаны холодного огня поднимались из-под почвы, они дышали, медленно клоня ветви под напором невидимого эфирного ветра. Очертания менялись, пока светотень играла внутри растений. Самосветящаяся материя ветвей образовывала световые сгущения внутри кроны. Растения испускали свежий аромат, напоминающий воздух в грозу.

Кристаллическая форма эфирного огня была организована жизнью растения. Их сияющие неоновым светом очертания сменялись молниями серебристой травы. Вихри цветов колебались разными огнями и трепетали листья в тонких прожилках живых искр.

Гермес полагал, что такое явление возможно только в иных мирах, где властвуют законы тонких уровней организации материи, но теперь встретил живое чудо, напоминающее те же самые далёкие образы.

– Эти цветы не только живые, их сознания можно коснуться — многие из них очень развиты. Вот почему Уран не случайно разговаривал с ними. Восприняв элементы почвы, атмосферу и ауру Венеры, они смогли адаптироваться и у нас, на Земле, создав уникальный вид. Цветы — универсальные формы жизни.

– Надеюсь, эта связь пойдёт на пользу обеим планетам.

– Эти растения могут дать толчок новым видам.

Гермес коснулся ауры цветка — она мягко ответила. Его сознание погрузилось в восприятие иного мира. Из раздумий его вывел раздавшийся вдалеке удар грома — собирался летний дождь.

– Как вижу, вы вложили много труда в этот прекрасный сад.

– Да, терпения садоводу не занимать, — улыбулась Ария.

Они переждали дождь на крыльце Школы, а когда вышли, на поляне уже было несколько детей в лёгких платьях. Они увлечённо беседовали, расположившись среди деревьев. Двое стояли посреди поляны у большого, как будто художественного, мольберта.

А остальные собрались вокруг прозрачного струящегося водопада, повисшего прямо в воздухе по центру поляны, освещённой высокими лучами солнца. Картину дополняла живописная радуга над поляной.

«Детей в группе немного, ведь коллектив силён не количеством», — подумал Гермес. — Достаточно посмотреть на улыбающиеся особой улыбкой лица ребят — они радуются не просто игрушкам или мелочам, а самой жизни, как началу

вещей. Их неистощимая энергия — от доброго желания помочь, от ощущения внутреннего духовного единства с этой природой. Это и есть любовь.

Когда дитя знает об этой любви к первоначалу Вселенной и желает поделиться ею, в такие моменты ощущаешь чистую радость — не напрасны труды на благо человечества, не потеряется Планета, как одинокая песчинка в безднах Космоса. Ведь на ней растут и укрепляются светлые ростки её будущего», — радовался наблюдающий их путник.

***

Возвращаясь, Гермесу надо было обдумать план действий для товарищей по лаборатории. Ещё в библиотеке он установил: один из похожих метеоритов хранился близ места старого Ташкента. Конечно, сам город давно представлял собой сад. Отдельные его постройки были оставлены в качестве исторических памятников. Но многие города пустовали: природа очистит место, загрязнённое людьми, если дать ей время. Ещё в эпоху технологического рывка прогрессивные учёные предупреждали: каждый город старше 200 лет находится в зоне отрицательной магнитной аномалии⁴⁷. Разумеется, это не было совпадением. Но самое логичное предположение о том, что люди изменили свойства почв своей хаотичной мыслительной активностью, редко кому приходило в голову. Значения поначалу этим выводам не придавали.

Несколько сот лет потребовалось, чтобы расстаться с привычным стереотипом о «цивилизации в огромных мегаполисах».

Часто и небольшие города хранили свои мрачные тайны, их приходилось оставлять, подобно брошенным дворцам средневековых правителей. Стены жилищ запечатлели слишком много излучений прошлого.

Он решил в последний раз пролететь над территорией нескольких старых городов, включив аппарат на предельную скорость. Ему показалось, что иногда местность неуловимо напоминала доисторический астральный мир Силоама. Но это видение осталось в прошлом. Он быстро преодолевал расстояние.

Гермес смотрел на низко летящие облака. После грозы они окрашивались холодными тонами. Белые растрёпанные облачка плыли в просветах глубокого неба. Иссиня-густые напряжения грозových туч убегали вдаль. Небо недавно ещё дождливое, теперь переливалось радугой нежных композиций, достойных кисти художника. В сущности, так оно и было.

Гермес мысленно поблагодарил Художника — великий Разум, руководивший этими стихийными силами. В «Эру технологического рывка» люди могли только приравнять разум к слепым силам, забывая, что равенство имеет обратное направление. Логика в таком случае требовала признать и разумность начала материи.

После беседы с сыном воображение Гермеса наполнялось мечтами о будущем. Гермесу представились самые смелые возможности общения с представителями иных миров, полных материи и разума, общения между жителями иных сфер, сияющими Строителями Огненных Сфер в просторах Пространства. Гермес всегда любил этот Космос.

В вечернем свете звёзд Земля показалась ему сказочно-прекрасной. Его ждали новые исследования. Впереди — Дальние Миры!

Конец первой книги

Глоссарий

Астральное или тонкое тело человека — часть души, невидимое тело, в котором человек проявляется после смерти, а также в течение жизни (во сне, в особых состояниях и т. п.).

Астральный или Тонкий мир — незримый мир, в котором живёт тонкое тело человека и других существ. Состоит из материи ещё более глубокого, чем эфир уровня организации. См. «Тонкий Мир».

Биполярная гравитация — гравитационное поле, расщеплённое на эфирные компоненты.

Глайдер, скутер — летающая платформа, средство индивидуального передвижения по воздуху.

Голографическая модель — Ср. теорию Дэвида Бомы (David Bohm) и Карла Прибрама (Karl Pribram), изложенную в издании: Талбот Майкл. Голографическая Вселенная / Перев. с англ. — М.: Издательский дом «София», 2004.

Deva-Chan (санскрит.) — состояние после смерти, где душа пожинает положительные следствия своих земных дел.

Доминанта (муз.) — неустойчивые ступени лада, имеющие тяготение к тонике.

Души-близнецы — согласно гипотезе, используемой здесь, души, центры кристаллизации сознания, рождаются в недрах Космоса не по одиночке, а парами, подобно парам виртуальных частиц из вакуума. Эти родственные души имеют синхронизм, подобно частицам в парадоксе Эйнштейна-Подольского-Розена и при квантовой телепортации. Имея взаимосвязь и относительную противоположность на протяжении воплощений, объединяясь в любви, способны менять мир вокруг себя наиболее эффективно, представляя реализацию основной тайны мироздания.

Инкарнационные — связанные с перевоплощениями души.

Исторический сканер — прибор, позволяющий запечатлевать исторические хроники в формате видео и фото материалов.

Квантовый эффект наблюдателя — явление, при котором характеристика частицы после акта взаимодействия (измерения) принимает определённое, только одно из всех возможных квантовых значений.

Кохлеарное исчисление (См. также *Спиральная динамика*) — раздел математики будущего. Упомянут впервые в романе И.Ефремова «Туманность Андромеды». В повести «Силоамский Амулет» получает дополнительное и более конкретное наполнение. Описывает единым образом процессы сознания и материи. Например, эмоции, взаимодействие философских категорий и строение материи, эволюцию систем в пространстве и времени. Имеет прямое отношение к голографической модели Вселенной.

Кромлех — каменный круг. Часто — ритуальный круг, выложенный из валунов.

Крылатый шар — древний мифологический символ египтян, шумеров, а также ряда других цивилизаций. Изображение, как правило, состоит из солнцеподобного шара, наделённого двумя развернутыми крыльями по бокам.

Ксилобумага — см. «Перманентная бумага».

Нейролог — специалист по нейронным сетям и искусственному интеллекту. (фантастич.)

Обскурация — гибернация, сон и замирание жизни Планеты. (эзотерич.)

Перманентная бумага, ксилобумага — эфирномодифицированная бумага либо альтернативный искусственно полученный сверхпрочный материал, надписи на листах которого могли сохраняться в любых условиях в течение миллионов лет. Если надписи наносились не эфирной диффузией (эфирным стилем), а использовалась обычная нестойкая краска, её после нанесения надписи требовалось закрепить.

Принцип Ле Шателье-Брауна — «если на систему, находящуюся в равновесии, воздействовать извне, изменяя какое-нибудь из условий, то равновесие смещается таким образом, чтобы компенсировать изменение». Частный принцип подобного рода формулировался Я. Вант-Гоффом (1884). В общем виде принцип смещения равновесия установлен А. Ле Шателье (1884) и термодинамически обоснован К. Брауном (1887).

Прионы — довирусная форма жизни, белки, обладающие, в частности, свойствами инициировать своё размножение внутри клетки.

Световой год — расстояние, которое проходит свет за 1 год.

Серебряная нить — энергетический жгут в виде нити, отливающей белым, серебром. Соединяет тонкое (астральное) тело с физическим при их разделении, внетелесном путешествии. При разрыве нити смерть считается удостоверенной.

Серпантин — спиральная энергетическая транспортная магистраль между поселениями. Используется редко.

Сеть, станционная сеть — нейронная сеть искусственного интеллекта, созданная в эфирной структуре. Полуживое, полуразумное существо.

Синтез, предмет синтеза — школьная дисциплина, основанная на простых формулах кохлеарного исчисления (См.). Даёт познание мира в целостности. Ввиду простоты формул и ёмкого подхода ученики с самых ранних лет могут, не запоминая конечных формул, владеть пониманием природных процессов от уровня материи до самопознания.

Скутер, глайдер — разновидности летающих платформ.

Спиральная динамика, кохлеарное исчисление — раздел математики и математической физики. Описывает единым образом процессы сознания и материи. Например, эмоции, взаимодействие философских категорий и строение материи, эволюцию систем в пространстве и времени. Имеет прямое отношение к голографической модели Вселенной.

Терафим — астральный резонатор с обратной связью, настроенный на определённый объект.

Тоника (муз.) — основная ступень лада.

Тонкий или Астральный Мир — область параллельного мира, состоящего из материи ещё более глубокого чем эфир уровня организации. В ней существуют души людей, а также другие невидимые глазу существа.

Царская водка — смесь концентрированных кислот: азотной, соляной 1: 3, растворяет большинство металлов.

Чакра, чакрам, энергетический центр (от санскрит. — «колесо») — нервно-энергетический центр, выполняющий координационную и распределительную энергетическую функцию в сознании каждого существа.

Школы нулевого цикла — школы для детей от 3 лет.

Экологическая ниша — место, занимаемое популяцией в сообществе (биоценозе), комплекс связей и требований к факторам среды. (Ч. Элтон, 1927 г.).

Элементал — полуразумное существо, проходящее низшую стадию эволюции в стихиях. Согласно используемой здесь гипотезе, шаровая молния часто используется как временное жилище элементала, потому ведёт себя почти разумно и адекватно реагирует на присутствие человеческого сознания.

Эфир — субатомный уровень организации материи.

Послесловие

Автор благодарит за полезное обсуждение и ряд критических замечаний зав. каф. философии ИГМА, к. ф. н. В. А. Трефилова, проф. И. Г. Есаулова, засл. деят. иск-в В. Н. Челнокову, к. ф. н. А. В. Емельянова. Большая благодарность за детальный анализ черновика текста — В. В. Вовенко, за вдохновляющие отзывы — Ирине Пусть, а также редакторам журнала ДДКЦ «Орифламма» О. Д. Захаровой и С. Г. Джуре, а также многим другим, по той или иной причине оставшимся вне этого списка или пожелавшим остаться неизвестными.

Ижевск, июнь 2010 г.

Дмитрий Есаулов.

Пожелания и отклики можно направлять по адресу:

426052, г. Ижевск, Заречное шоссе, 31–3

Есаулову Дмитрию Игоревичу.

physics@udm.net

Содержание

Предисловие	3
Дальние Миры — Книга 1: Силоамский Амулет	6
Часть 1. Силоамский Амулет	6
Гермес	6
Уроки Альмы	7
Кристалл	18
Сон Гермеса	21
Иной мир	23
Возвращение	32
Путешествие за барьер	35
Экспедиция на астероид	39
Экспедиция на Силоам	44
Часть 2. Путешествия Гермеса	50
Уроки истории	50
Библиотека Юго-Востока	56
Симфония Сфер	63
Инфракрасная Башня	70
Встреча с Ураном	76
Цветники Космоса	83
Глоссарий	86
Послесловие	91

Для заметок

Дмитрий Игоревич Есаулов
Дальние Миры
Научно-философская фантастическая повесть

Книга первая
Силоамский Амулет

Технический редактор: *В. Н. Трофимова*
Корректор: *О. С. Говорухина*
Оператор: *М. С. Иванов*

Подписано в печать 23.11.2010.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Усл.-печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 4,90. Заказ № 880. Тираж 200.

КнигоГрад — издательство, типография.
426034, г. Ижевск, ул. Коммунаров, 287.
www.knigograd.net